

Двойная жизнь Дианы Фогель

ТАНЯ СВОИ

Таня Свон
Двойная жизнь Дианы Фогель
Серия «Романтические
истории Тани Свон»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68933763

Таня Свон. Двойная жизнь Дианы Фогель: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-184239-0

Аннотация

Диана учится в медуниверситете, получает хорошие отметки и старается соответствовать ожиданиям родителей, хотя на самом деле ей хочется навсегда забыть о белом халате и шприцах. Она привыкла плыть по течению, украдкой мечтая совершенно о другой жизни. Все меняется, когда в группе Дианы появляется новенький – он сразу вызывает у нее отторжение, потому что напоминает ее родителей, фанатично повернутых на медицине. Диане наконец придется выбрать: долг или мечта? Притворяться или быть собой?

«Двойная жизнь Дианы Фогель» – это любовный психологический роман, затрагивающий проблемы современной молодежи. Читатели легко могут окунуться в мир главных персонажей, которые пытаются отыскать свое место в жизни, – им предстоит решать не только проблемы с учебой и строгими

преподавателями, но и внутренние конфликты: попробовать исполнить свою мечту или продолжить идти по проторенной родителями дорожке?

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	33
ГЛАВА 4	51
ГЛАВА 5	70
ГЛАВА 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Таня Свон

Двойная жизнь

Дианы Фогель

Иллюстрация на переплете *Centaurea*

Ранее книга издавалась под названием «Диссонанс»

© Таня Свон, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Их знакомство случилось при интересных обстоятельствах. Они – полные противоположности, но почему-то притягиваются. Ей претит то, чем он горит, он не понимает, как она может легко отказаться от его

мечты. Это история о выборе, поиске и принятии себя,
о взрослении и, конечно, о первой любви.

МАША MS.HEDGEHOГ

ГЛАВА 1

Семья. Долг. Честь

Пронзительная трель будильника вгрызается в раннее утро высокими нотами, будто наточенными клыками. От столь громкой и противной музыки мозгу становится почти физически больно. Я резко вскакиваю из-за стола, за которым дремала, и тут же ударяюсь затылком о навесную полку. Шипя от боли и сдерживая рвущиеся ругательства, отключаю злосчастную пищалку и с недоумением таращусь на экран с горящими цифрами.

Неужели проспала? Да еще и форму дома забыла!

– Прием, – выдыхаю в телефон, – угроза уровня Мстителей! Уснула на работе и проспала! Срочно захвати с собой второй халат!

Голосовое сообщение мгновенно отправляется адресату, а смартфон – в рюкзак, покрытый броней из значков с героями игр и аниме. Я мечусь по каморке, собирая вещи и попутно наводя порядок в комнате персонала. Чистота – одна из моих обязанностей, и оплошать в первый рабочий день совсем не хочется. Даже не приведя себя в достойный вид, ураганом врываюсь в основной зал. Гик-кафе¹ «Перезагруз-

¹ Гик-кафе – кафе с множеством интерактивных развлечений, включая настольные игры, приставку, полки с комиксами и т. д.

ка» работает круглосуточно, но ранним утром ожидаемо пустует. И мне это только на руку.

Быстренько пробегаю вдоль столов и диванов и облегченно выдыхаю – никакого мусора и беспорядка. Зато в игровой зоне придется попотеть: компания оставила после себя пустые коробки от пиццы, бутылки и опрокинутые стаканы. С омерзением морщусь, заметив самое страшное – жирные пятна на геймпадах. Каким извергом нужно быть, чтобы совершить подобное?! К тому же в «Перезагрузке» за такое свинство предусмотрен штраф... который, если не поспешу, придется выплачивать мне. И, боюсь, одним вычетом из зарплаты дело не кончится: недоглядела за гостями, так еще и уснула, что при посетителях в заведении категорически запрещено.

– Как первая смена, Ди? – из-за бара выглядывает светлая макушка Игоря. В сонном взгляде парня сверкает усмешка.

– Крещение огнем, – хмыкнув, роняю между делом и мчу за салфетками и чистящим средством.

– Действительно, – голос напарника становится чуть мягче, – что там, что тут Крысы².

Изумленно выгибаю бровь и бросаю на блондина удивленный взгляд:

– Не думала, что ты читал «Ведьмака». Да и тут скорее

² Диана и Игорь говорят о книге А. Сапковского «Крещение огнем», которая входит в цикл о Ведьмаке. В ней упоминается преступная банда «Крысы Пограничья».

не крысы, а свиньи, – говорю, удрученно натирая геймпад, с которого совершенно не хотят исчезать жирные пятна.

– Да не торопись ты так, не нервничай. У меня от твоей суматохи уже в глазах рябит.

– Если это увидит начальство, мне конец, – обреченный вздох вырывается из груди. – Это ведь моя первая смена, а я уже накосячила как могла.

Игорь лениво потягивается и демонстративно зевает:

– Не переживай, это я тебе как старожил «Перезагрузки» говорю. Олег если и явится, то не раньше десяти. Посетителей утром почти никогда нет. Мы успеем прибраться. Ну а записи с камер никто за два года ни разу не просматривал.

Кончики пальцев горят от безрезультатного трения, а воодушевляющая речь Игоря совершенно не работает.

– У меня смена уже кончилась, я опаздываю на пару, а в зале бардак!

Игорь добродушно смеется и снисходительно отмахивается:

– Новенькая, – протягивает он. – Я приберусь здесь, не волнуйся. Только мусор вынеси.

Повторять дважды не приходится. Спешно выпаливаю самые искренние слова благодарности, молниеносно скидываю в пакет все улики нашего с Игорем безделья и уношусь обратно, в комнату персонала, за вещами. Едва проскальзываю за дверь, перед глазами, укоризненно тикая, возникают часы. С ужасом взираю на стрелки, что стремительно прибли-

жаются к девяти.

Опаздывать на первую же пару нового учебного года совершенно не хочется. Мысленно прикидываю, сколько времени потрачу, чтобы дойти до мусорки, и от досады надуваю губы. Обходить длинный дом дважды ради баков, стоящих прямо под окном, сейчас кажется занятием очень неразумным.

Но ведь бросать не на главную улицу и всего лишь со второго этажа – не промахнусь.

Совесть молчит. Ее, видимо, гораздо больше волнует опоздание на учебу, нежели швыряние пакетов на дальность. Недолго думая, распахиваю окно и, даже не посмотрев по сторонам и зачем-то крепко зажмурившись, вершу задуманное.

Тихий шелест резко сменяется хлопком. Потом гремят бутылки, а за ними, будто скатываясь с лестницы, по очереди шумят пластиковые стаканы. Рефлекторно делаю шаг вглубь комнаты и будто по привычке виновато ойкаю.

Вот за это меня точно уволят. А если еще и в университет информация просочится...

Нырять под подоконник как в окоп. Справившись с волнением, но все еще мелко дрожа от страха и напряжения, аккуратно выглядываю на улицу. Интерес не утихает, хоть и понимаю – одна пуля-взгляд, и мне точно конец... Вычислить меня не составит труда – вряд ли еще найдется много открытых окон, утро выдалось промозглое. Да и если пострадав-

ший поднимет взгляд чуть выше кончика своего носа, тут же заметит торчащую темноволосую макушку.

Только жертва моей лени и не думает выискивать обидчика. Молодой парень старательно стряхивает с себя мусор и отчаянно борется с пятнами на светло-коричневом пальто. Незнакомца окружают мелкие лужицы остатков газировки и ореол мусора.

В груди расплзается жгучая досада, и мне становится очень жаль парня. Не заслужил он такое «доброе утро».

Однако долго терзаться муками совести не могу – времени нет. Да и вдруг паренек решит разобраться с нарушителями и нагрянет в кафе? Правильно это или нет, но нужно смыться отсюда. И чем раньше, тем лучше.

Хватаю рюкзак, машу на прощание Игорю, который неторопливо наводит порядок в баре, и выбегаю к лестнице. Пестрый зал, стены которого похожи на комиксный разворот, провожает меня ароматом утреннего кофе.

* * *

– Как ты умудрилась не опоздать?! Признавайся, у тебя где-то припрятан маховик времени? – сияют лукавые голубые искорки из-под очков в желтой оправе, которые парень эффективным отточенным движением прижимает к переносице. Эту привычку, уверена, Тимур перенял из аниме.

– Никаких маховиков! – переводя дыхание после бега, за-

веряю я и безоружно поднимаю руки. – Исключительно порталы!

– Ненавижу порталы!³ – кидает новую отсылку Тим и довольно улыбается, когда занимаю привычное место с ним за партой.

Мы не виделись целое лето, и я ужасно соскучилась по товарищу, а потому не сдерживаю радостных эмоций. Улыбаюсь во все тридцать два, смеюсь и ерошу и без того буйные рыжие вихры друга, когда тот гордо протягивает небольшой пакет:

– Ваш супергеройский костюм, мисс!

Внутри оказывается запасной белый халат Тимура. Мой, забытый, отдыхает дома. Этот же немного великоват, но меня подобный казус волнует в самую последнюю очередь. Главное – не опоздала и не явилась без формы.

– Спасибо! Сегодня же постираю и завтра верну.

– Не нужно, – отмахивается Тим. На секунду его взгляд темнеет, словно тучи наплыли на солнце, но Тим быстро переводит тему и снова загорается энтузиазмом. – Препод, кстати, опоздает.

Лисья физиономия друга пышет довольством, которое быстро передается и мне. Отлично! Значит, у нас есть еще время до начала занятия, чтобы спокойно пообщаться. Летом, пока Тимур гостил в родном городе и путешествовал, мы переписывались и созванивались. Но разве может вирту-

³ Популярная среди фанатов игры «Ведьмак 3» фраза Геральта.

альная болтовня заменить живые встречи?

– За каникулы ничего не изменилось, – выношу вердикт, осматриваясь с задней парты. Несколько человек, с которыми еще не успела поздороваться, перехватывают мой взгляд и приветственно машут с передних рядов. – Все разбиты по тем же компашкам, сидят с теми же людьми...

– Четвертый курс, – пожимает плечами Тим, – рефлексy закрепилась.

Одногруппники живо беседуют, обсуждая начало учебного года. Половину пути уже прошли, и с этого семестра нам открывается новый опыт – возможность работать медсестрами и медбратьями. Ребята наперебой делятся планами на грядущий год. Кто-то заунывно вспоминает про огромную кучу близящихся зачетов и экзаменов, а наша староста, Аня, напоминает, что и в научных кружках полно дел.

– Да, – протягивает Тимур, заметив мою потухшую улыбку, – быстро ты скисла...

– Просто устала, – отвожу взгляд от воодушевленных одногруппников и пожимаю плечами.

Ладонь Тима ободряюще ложится на мою:

– Наберись терпения, Диана. Год будет тяжелым.

Вскидываю на друга вопросительный взгляд. С чего это вдруг такие речи? Наоборот, самое сложное – фармакология, анатомия – уже позади. А система циклов, в которую с этого семестра окунается наш курс, – просто рай. Учи себе всего один предмет недели две и не грузись мыслями о дру-

гих дисциплинах.

Но задать вопрос, вертящийся на кончике языка, не успеваю. Тимур, рыжий непоседливый огонек, снова вспыхивает позитивом:

– Я тебе, кстати, из Японии кое-что привез! – он выуживает из цветастого рюкзака маленький сверток и гордо протягивает мне.

– Гудетама?⁴ Неожиданно! – прокручиваю на указательном пальце кольцо брелка и ловлю в ладонь желток с нарисованным изнеможенным лицом. Выпятив желтую попку, герой лениво растекается по белому яичному коврику.

Сразу цепляю колечко к рюкзаку и довольно люблюсь новым спутником:

– Спасибо, Тим! У меня для тебя, к сожалению, ничего нет...

– Ошибаешься, – он заговорщически подмигивает, – у тебя есть рассказ о первом рабочем дне. Родители, кстати, знают?

От упоминания о родителях на душе становится мерзко, а язык прилипает к небу. Шумно выдыхаю, а затем тихо, чтобы слышал только Тим, произношу:

– Они думают, что я устроилась в больницу.

В голубых глазах плещется смесь страха и восторга. Тим прикладывает к губам крепко сжатый кулак, его брови пол-

⁴ Гудетама – японский персонаж, представляющий собой грустный яичный желток.

зут на лоб.

– А если проверят? Они ведь...

– Даже думать не хочу, – спешно отрекшиваясь от дурной мысли, – родители будут в гневе, если узнают, что работаю не в медицине. Они ведь даже заранее записали меня в хирургический кружок. Сами!

Тимур звонко шлепает ладонью по лбу – высшая степень негодования.

– Ты серьезно, Ди?!

Поджимаю губы и трагично киваю.

– Теперь понимаешь, почему год только начался, а я уже устала? За лето ничего не изменилось. Меня душит фанатичность родителей дома, а на учебе – одноклассников. Как будто медики ни о чем другом говорить больше не могут, кроме как о своей работе...

– Кхем, – красноречиво вскидывает бровь лис и вознаграждает обиженным взглядом.

Щелкаю языком и вкрадчиво заверяю:

– Мы сотню раз обсуждали, Тим. Ты исключение из правил.

– Ага, заблудшая душа творца в унылых больничных коридорах...

Аудитория резко взрывается смехом. Не смеемся только мы с Тимом. Затаившись в недрах задних рядов под плакатами о пневмониях, мы выпали из общей беседы.

Косо поглядываю на часы. Меня не покидает ощущение,

что с минуты на минуту в кабинет войдет преподаватель.

– Кстати о творцах. Как успехи с комиксом? – не теряю времени и задаю главный вопрос дня.

– За лето набросал сюжет основной арки почти до середины, – хвалится Тим, – кстати, твои эскизы костюмов очень пригодились.

Приятная новость расправляет за спиной крылья.

– Покажи! – пламенно прошу я. Не терпится увидеть плоды наших общих трудов. От волнения даже подрагивают кончики пальцев, и я едва сдерживаюсь, чтобы усидеть на месте.

– С собой у меня только фотки нескольких страниц, – Тим вновь поправляет очки, коснувшись по-цыплячьи желтой дужки, – могу показать отрывки...

Перехватываю его руку, которой друг протягивает смартфон с открытой галереей. Лучше не портить впечатление и немного потерпеть, зато увидеть целиком и вживую.

– Как хочешь, – ухмыляется рыжий, когда делюсь своей позицией. – Тогда помучаешься до сегодняшнего вечера. Встретимся в «Перезагрузке»?

Почти соглашаюсь, но тут же вспоминаю о данном родителям обещании. В душу закрадываются сомнения, соблазн посмотреть фотографии некоторых сцен комикса уже сегодня растет... Однако сдержанным, но поникшим тоном отвечаю:

– Смогу только завтра. Сегодня дома отмечаем мой пер-

вый рабочий день...

– В «больнице», – заканчивает за меня Тимур. Раздосадованно киваю и нервно прикусываю губу. – Ты подготовилась?

– Само собой. Навела справки, выучила все отделения по этажам, имена врачей и медсестер. Этот экзамен я должна сдать без осечек.

– Держись. – Тимур подбадривающе сжимает мое плечо. Губы складываются в напряженную улыбку. Мое волнение не ускользает от внимания Тима, и он тут же переводит тему, стараясь отвлечь от неприятных мыслей. – Кстати, есть несколько новостей. Заходила в конфу группы?

В наш чат я не заглядывала уже очень давно. Летом важные новости по учебе бывают редко, а участвовать в нудных беседах желания нет. Одногоруппники, так же как и мои родители, старший брат, бабушки и дедушки, кажется, не знают других тем, кроме учебы и работы.

Меня всюду окружают исключительно врачи. Семья – династия хирургов. Друзья родителей – медики. Большая часть книг дома – пухлые атласы, учебники, справочники и распечатки клинических рекомендаций.

Не удивлюсь, если кто-то скажет, что в детстве вместо раскраски у меня был атлас по анатомии. Родители еще до рождения определили мою судьбу. Однако избыточное давление, однотипность окружения и отсутствие выбора подарили мне ненависть к будущей профессии и к ее фанатичным представителям.

Кто знает, может, если бы семья так ярко не настаивала на моем поступлении в медицинский вуз, я бы сама выбрала эту стезю? И не было бы во мне такого бурного отторжения и чувства, что кто-то насильно изменил мою судьбу и растоптал мечту о другой карьере.

– Нет, я не проверяла сообщений, – возвращаюсь к беседе, но Тим посвятить в последние события не успевает.

В дверь стучат, и вся группа из пятнадцати человек напряженно замирает. В мыслях коротко пробегает глупая мысль: почему опоздавший преподаватель стучит? Но дверь открывается, и за ней оказывается вовсе не наставник новой дисциплины...

Меня обдаёт холодом, когда на пороге аудитории появляется тот самый парень, на которого я бессовестно скинула мусорный пакет. На коричневом пальто еще виднеются пятна, а в растрепанных черных волосах – бумажные хлопья.

Вжимаю шею в плечи и чуть сползаю под парту. Как он меня нашел?! Неужели все-таки нагрязнул в «Перезагрузку» и потребовал правосудия?

– Вот, кстати, об этом я и хотел сказать, – шепчет Тимур и кивает в сторону гостя. Потом переводит взгляд на меня, съезженной гармошкой сползающую на пол, и изумленно ведет бровями. – Ди, ты чего?!

На удивленный возглас друга-предателя оборачиваются все. Даже парень, стоящий в дверях, таращится в недоумении, наблюдая, как я стекаю под парту. В его взгляде нет ни

злости, ни искры узнавания. Зато мое сердце льдинкой опускается в желудок – сейчас он назовет имя, услужливо выданное Игорем, и мне конец.

Точку в моей душевной драме ставит староста.

– Входи, Глеб. Препод сильно опаздывает, – радушно поясняет Аня, – ты ничего не пропустил.

– Чего?! – вырывается едкий писк. Пятнадцать пар глаз, полных укора, снова устремляются на меня.

Тимур незаметно толкает меня локтем в бок. Сдавленно ойкаю, а явившийся парень, Глеб, шустро меняет пальто на белый халат и садится за одну из первых парт.

– Ди, ты что творишь? – шипит Тимур. – Это наш новенький, про него и хотел тебе сказать, но не успел.

Холод внутри быстро сменяется жаром стыда. Это что, мне теперь каждый день видеться с собственной жертвой, мучиться от совести и страха разоблачения? «Преступление и наказание» какое-то...

Смятение на моем побледневшем, а затем резко зардевшемся лице Тимур трактует по-своему:

– Симпатичный, конечно, этот Глеб. Но ты девушка не глупая, сама должна понимать, что таким варварским способом ответную симпатию не завоеешь...

– Ты что такое несешь? – припечатываю, уставившись на Тимура взглядом, мечущим молнии. Голос звенит возмущением, и на нас снова оборачиваются.

Глеб смотрит в нашу сторону так, будто наблюдает за

детьми, которые вытворяют какую-то глупость. С укором и снисходительностью. От такого потока эмоций во мне вспыхивает негодование, но его тут же топит под собой новая волна стыда.

– Вот видишь, – шепчет мне на ухо Тим, когда Глеб отворачивается. – Нельзя здесь без грамотной стратегии. Только спугнешь парня.

– Да ты о чем вообще?!

Тимур щелкает языком и устало закатывает глаза. Но все же склоняется ко мне, чтобы пояснить:

– Думаешь, я не заметил, как ты на Глеба смотрела, когда он вошел? Радуйся, что мы в конце сидим, иначе бы не только я стал свидетелем зарождения любви...

Теперь настает моя очередь строить недовольные гримасы и неодобрительно качать головой:

– Ты все не так понял!

Но оправдательную речь толкнуть не удастся. Дверь распахивается так резко и широко, что по комнате проходит легкий ветерок. В аудиторию без лишних церемоний вваливается мужчина в белом халате. Доктор жестом просит нас не вставать и сам тут же без сил рушится за преподавательский стол.

– Итак, – мучаясь одышкой, выдавливает он, – прежде чем мы... начнем наше занятие... будет несколько новостей. Первая – я веду у вас цикл факультетской терапии. Вторая – в конце года вам предстоит экзамен. Третья...

Дальше уже не слушаю, а выдалбливаю в заметках смартфона сообщение для Тимура. Друг озорно поглядывает в мою сторону и ехидно улыбается. Думает, что поймал на влюбленности с поличным. Теперь дело чести развенчать этот абсурдный миф!

«Просто я знаю этого парня».

Поворачиваю экран к Тимуру. Тот многозначительно заламывает бровь и кивает на телефон. Верно истолковав жест, печатаю продолжение, где рассказываю о постыдном мусорном броске и страхе разоблачения.

Тимур увлеченно читает чистосердечное признание, а в конце неожиданно прыскает от смеха. В очередной раз наша парта приковывает к себе внимание собравшихся.

– Апчхи! – театрально выдает Тим.

Его неумелая маскировка заставляет прыснуть уже меня. Взгляды, направленные в нашу сторону, одновременно темнеют. Не придумываю ничего умнее и, следуя урокам лиса, имитирую чихание.

– Галерка! – строго выкрикивает педагог. Он уже победил одышку и теперь грозно нависает над столом. О недавнем марафоне напоминает лишь красное лицо, заметно блестящее от пота. – Если вы болеете, ходите в масках! Нечего заражать окружающих!

Староста заботливо передает нам пару масок, которые тут же надеваем, пряча под тонким материалом плохо сдерживаемые улыбки. До конца пары так и сидим. Вполуха слушаем

преподавателя, что рассказывает о стадиях гипертонической болезни, обмениваемся сообщениями о комиксах, косплее и «Перезагрузке» и изредка наигранно чихаем.

Спустя несколько бесконечных часов нас наконец-то отпускают на волю. Перед тем как все разойдутся, преподаватель успевает сделать объявление:

– Напоминаю! Если вы хотите участвовать в кружках нашего университета, необходимо отметитья в этом журнале! – Красная папка с хлопком падает на одну из первых парт. – Для новеньких – просто запись. Если уже состоите где-то – запись с пометкой.

После этого короткого сообщения мужчина спешно ретируется, оставляя студентов наедине с неожиданно свалившимся на голову выбором. Никаких тебе пояснений – что, где, когда и зачем...

Заинтересованные одгруппники толпятся вокруг документа, листают страницы, изучая доступные научные кружки. Кто-то просит ручку, чтобы вписать свое имя в заветный столбец, а кто-то не торопится и желает изучить весь список.

– Будешь подходить? – кивает на столпотворение у журнала Тим.

– Не, – отмахиваюсь. – Смысл? Говорю же, родители сами еще летом записали к хирургам.

– Восторг, – с ядовитым сарказмом протягивает друг и направляется к двери.

Мы уходим первыми.

ГЛАВА 2

Праздник обмана

– Поздравляем с первым учебным днем! – меня с порога встречает голос отца.

Мама налетает с объятиями, будто я не с пар пришла, а вернулась победителем масштабной олимпиады.

– С первым рабочим днем! – лепечет она и звучно чмокает в щеку.

От упоминания работы на душе скребут кошки. Обманывать родителей совсем не хочется, но если этого не сделать, то нарвусь на серьезный конфликт.

– Спасибо! – сдавленно улыбаюсь и стягиваю кроссовки. Внимание родителей прожигает кожу насквозь. Их взгляды, неотрывно следящие за мной, излучают гордость и восторг. А мне хочется кричать от безысходности...

– Скорее мой руки и за стол. – Папа уже двигается в сторону кухни. – Твоя мама очень старалась.

Вежливо киваю, изображаю радость, принимаю все комплименты от родителей и тяжело выдыхаю, когда запираюсь в ванной. Прижимаюсь лбом к двери, закрываю глаза и вслушиваюсь в доносящиеся с кухни голоса.

Гостей, кажется, нет. Эта новость придает немного сил. Ломать комедию перед всем списком родни и их друзей бы-

ло бы задачей почти непосильной. Мне и без лишних свидетелей приходится нелегко.

В недрах квартиры звенит посуда, шелестят голоса родителей. Ну вот почему им так важно, чтобы я была именно хирургом? Не доброй, не умной, не счастливой, в конце концов. А только хирургом – и точка.

Семейное наследие и престиж – выше моих желаний, которые никогда не воспринимались всерьез. Вместо кружков искусства, куда всегда хотела попасть, – школа с биохимическим уклоном. Вместо художественного вуза – скандал и зачисление на лечебный факультет.

А все потому, что я «слишком молода», «не знаю жизни» и «не понимаю, что для меня лучше». И теперь мне двадцать один, и я по-прежнему не в своей тарелке.

Единственный бунт, который могу себе позволить, – тайная работа в «Перезагрузке». Отрада, что не дает свихнуться в череду не своих дней, – мое хобби. Островок потерянной мечты.

– Диана! – нетерпеливо зовет мама. – Мы заждались!

– Бегу!

Даю себе последние секунды собраться с силами. Восстанавливаю дыхание, приклеиваю улыбку и приступаю к экзамену на умение врать.

Стол на кухне накрыт по-праздничному. Родители не поленились достать красную скатерть с белоснежными оборками, которая обычно видит свет лишь в Новый год. Сейчас же

только начало сентября, а грандиозный повод – ложь.

– Присаживайся, дорогая! Сегодня твой день! – Мама заправляет выбившийся из высокого хвоста локон мне за ухо и любовно заглядывает в глаза. Это разбивает мое сердце, и притворная улыбка нервно подергивается.

– Еще раз спасибо, – смущенно роняю под нос и занимаю привычное место рядом с окном. На подоконнике замечаю несколько блестящих свертков и стыдливо отворачиваюсь. Даже в день рождения нет такого переполоха, как сегодня.

Папа садится напротив и ставит локти по обе стороны от пока еще пустой тарелки, сплетает пальцы в замок и упирается в них подбородком. Его пытливый взгляд из-под сползших на кончик носа очков выношу с достоинством, чем развеиваю остатки недоверия.

– Твой брат звонил сегодня, – начинает беседу папа. – Он передал свои поздравления.

– Спасибо, – выдыхаю в очередной раз. – А почему передал? Максим сам не может позвонить?

Без эмоций перевожу взгляд на пустующее место рядом со стулом мамы. Будто брат, который всегда занимал ту часть стола, может слышать мои слова. Смотрю на свободное место без тоски – с Максом мы никогда не были особо дружны. Его с юности утянули учебники, затем университет и научные кружки, а потом – работа хирургом во Франции. Он без особого труда и с удовольствием вписался в клуб фанатиков. Стал гордостью родителей и идеалом, к которому мне

настойчиво советуют стремиться.

– У Макса много работы, – тут же вступается за брата мама. – Он едва урвал минутку между операциями, чтобы передать поздравления.

Между вазочками с салатами она ставит на середину стола шикарное блюдо с запеченной свининой с овощами. Мама принимается разливать напитки, а папа нарезает мясо и раскладывает порции по тарелкам.

– Бабушка и дедушка из Москвы тоже звонили, – вспоминает папа о родственниках по своей линии.

– И из Краснодара, – не забывает упомянуть о своих родителях мама. – Все очень гордятся тобой! Приехать в Питер не смогли, да и время на звонок нашли только утром...

От мысли, что вся родня могла приехать отмечать праздник, высосанный из пальца, становится дурно. Мне бы хоть родительский энтузиазм вынести без последствий!

– Ничего страшного, – вслух успокаиваю я. – Всем передайте мои благодарности за поддержку.

Родители расплываются в довольных улыбках, а я засчитываю себе очко за верный ответ.

– Ну, Диан, рассказывай, как впечатления! – добродушно выдает папа вопрос, к которому я готовилась не один вечер.

Обвести отца вокруг пальца сложно. Его цепкий взгляд следит за каждым жестом, когда без запинки выдаю идеально составленную историю с заученными именами врачей и медсестер.

Паутинки неглубоких морщин постепенно сглаживаются. Глаза, такие же, как у меня, цвета свежей древесины с темными кольцами-прожилками, медленно светлеют.

– Вижу, первое дежурство произвело на тебя впечатление, – улыбается папа, а я мысленно ликую. Получилось!

– Вот видишь, Диана! Мы ведь говорили, что медицина – это образ жизни. Ты уже втягиваешься, – наставительным тоном произносит мама, делая глоток из бокала. – А помнишь, как ты не хотела поступать? Кричала, плакала...

– А мы ведь говорили, что это подростковые глупости, – бодро кивая, подключается отец. – Теперь-то ты распробуешь свою специальность. За уши не оттянешь!

Родители в унисон смеются. Мне приходится поддерживать общее веселье, чтобы не выдать себя. Но внутри бурлит негодование, а зубы, что скалю в улыбке, скрипят от злости.

– Кем ты там хотела стать? – на грани издевки спрашивает мама.

– Портнихой! – вместо меня отвечает отец и прыскает от смеха. Он заливисто смеется и утирает слезы, выступившие на глазах. Мама следует его примеру и тоже раздражается хохотом, от которого лицо быстро покрывается румянцем.

Натянутая улыбка стекает со вспыхнувшего лица. Танец на костях моей мечты заходит слишком далеко...

– Вообще-то, я хочу... хотела быть дизайнером-модельером.

Мама холодно отмахивается. Откидывается на спинку

стула и, восстанавливая дыхание после смеха, поправляет выбившуюся из идеальной прически прядь:

– Все одно. Подшивать платья, подгонять брюки...

– Вообще-то... – начинаю закипать, но вовремя прикусываю язык. Я так старательно возводила иллюзию примерного поведения, чтобы от меня отстали и сбавили давление! Одно неверное слово – и все затрещит по швам. Поэтому проглатываю обиду и фальшиво протягиваю: – Ты права.

На кухне повисает гробовое молчание. Родители не сводят с меня пораженных взглядов. Тело обращается в натянутую струну, готовую вот-вот лопнуть... Неужели я все испортила? Переиграла?

Но когда папа резко встает из-за стола, подняв в руке бокал, понимаю, что в этом сражении одержала полную победу.

– Наконец-то ты повзрослела, Диана, и забыла обо всех глупостях.

– Я всегда говорила, что рано или поздно ты поймешь – мы с папой были правы и желаем тебе только лучшего.

Мама подхватывает бокал, как и у всех, наполненный яблочным соком. Праздник праздником, но работу и дежурства никто не отменял. Следуя родительскому примеру, тоже встаю с напитком в руке.

– Диана, не хочешь сказать тост? – сияет папа и с гордостью взирает на меня.

Родители выжидающе смотрят, пока я задумчиво кручу в руках тонкую ножку бокала.

– За принятие себя, – криво улыбаюсь под звон соприкасающегося стекла и под похвалу семьи.

* * *

Спрятаться от родителей и бесконечного потока лжи оказывается проще, чем я думала.

Спустя час утомительных и однотипных бесед начинаю усиленно зевать. Играть усталость даже не приходится, день выжал силы до нитки. Обеспокоенные, но гордые родители быстро отпускают отоспаться после первой смены. Выслушиваю последние напутствия и, оставив домочадцев наедине, ухожу в свою комнату.

Замок на двери – одна из причин любви к моему тихому убежищу. Короткий щелчок надежно прячет в крошечном мирке, где всегда нахожу приют.

Небольшая, но уютная спальня встречает теплым сиянием гирлянды. Лампочки-светлячки как бусинки нанизаны на провод, что ломаным узором висит над кроватью. Между искорками на стене приколоты рисунки Тимура, отрывки из нашего комикса, мои наброски и одна-единственная фотография.

На снимке в костюме Чудо-женщины жую хот-дог и совсем не замечаю камеры. Рот набит, на щеке зияет красный след кетчупа, а я задумчиво смотрю на руку, испачканную соусом.

Тим не раз упрекал за не лучший выбор фото для «доски почета» над подушками. Для нас это стало неким ритуалом – приходя в гости, друг открывает папки на моем ноутбуке и деловито протягивает: «Вот! Тут ты хотя бы без кетчупа на лице!»

Но я не просто так однажды распечатала именно эту фотографию и повесила на самое видное место комнаты.

Кадр был сделан Тимуром на Хеллоуин, который совпал с нашим посвящением в студенты. На нелепый праздник в костюмах явились только я и Тим. Друг раздобыл где-то красный плащ, крылатый шлем и бутафорский молот. Свой наряд принцессы амазонок я сшила полностью сама.

То был первый день, когда я осмелилась выйти куда-то в костюме, созданном своими руками. А снимок, где я ем, – первый кадр личного триумфа.

Подобных вылазок после было немного. Не каждый день выдается повод погулять по Питеру в нарядах героинь поп-культуры! Фотосессии себе позволить не могу, а на редких фестивалях пока ни разу не осмелилась побывать участником-косплеером, а не гостем.

Мне постоянно что-то мешает подать заявку. То город другой, то учеба, то просто боюсь отказа или осуждения родителей.

Устало падаю на кровать и зарываюсь лицом в подушки. Тоска накатывает с новой силой, а внутри разгорается сожаление. Мысли укором клюют душу за глупый страх провала,

за мешающую боязнь неодобрения.

Я прекрасно понимаю, что в своей зажатости виновата сама. Из года в год учусь, шью костюмы, мастерю наряды, но не делаю ничего, чтобы заявить о себе. Только сваливаю ответственность на родителей. Мол, это они мне вдолбили, что стать кем-то могу лишь в медицине. Все остальное – рудимент детской наивности.

А теперь еще и эта ложь... В глубине души хочется признаться. Сказать, что ни в какой больнице не работаю, а зависаю официанткой в гик-кафе. Но прекрасно представляю, как родители отреагируют на такую новость. Работай я в ателье или, на худой конец, магазине текстиля, маме и папе было бы проще смириться с моим обманом. Но ни швеей, ни продавщицей устроиться не вышло: мешают отсутствие специального образования и учеба в универе.

Зато в «Перезагрузке» можно работать после пар, в ночные смены, что успешно сочетается с вымыслом о карьере медсестры. А еще в кафе чувствую себя почти как дома – там настоящий рай для гика.

Под локтем шуршит обертка красиво упакованного свертка. Недолго думая, решаю развернуть подарок от мамы.

Почти не удивляюсь, когда избавляюсь от глянцевой бумаги и голубой декоративной ленты. Внутри оказывается хирургический костюм, белый, с темно-синей отделкой и эмблемой моего вуза на груди. Без эмоций смотрю на форму сборной нашего хирургического кружка. Кладу подаренную

одежду перед собой, даже не примерив, и роняю лицо в ладони.

Я ведь ни на одном собрании кружка еще не была! Не прошла отборочных экзаменов, не пробилась в сборную... Зато форма уже есть. И что-то мне подсказывает – остальное приложится.

ГЛАВА 3

Одна (?) команда

На следующий день Тим на учебу не приходит.

Сидеть одной за последней партой оказывается неприятным испытанием. Без дружеской поддержки Тимура чувствую себя потерянно, отчужденно. И особенно остро ощущаю – я здесь лишняя.

Даже новенький, Глеб, удачнее вписывается в коллектив. Ведь за место рядом с ним неожиданно разворачивается целое сражение между девчонками. Но стоит ему появиться в аудитории, споры стихают. Глеб занимает стул рядом со старостой, за первой партой. Все остальные девушки, удрученно вздохнув, снова объединяются в привычные пары и возвращаются на старые места.

Никто из наших парней даже бровью не ведет и, кажется, не замечает нелепой ситуации. А вот был бы здесь Тим, мы бы вместе посмеялись!

Едва мысль пробегает в голове, достаю телефон и строчу другу сообщение с докладом. Тим отвечает почти сразу. Рыжик жалуется на отсутствие видеодоказательств и предлагает открыть свое тайное реалити-шоу.

«Можем ввести систему ставок», – получаю новое сообщение от Тимура и гифку кота, злорадно потирающего лапы.

ки.

«Ага, – печатаю ответ, наплевав на начавшееся занятие, – и каждая мадам поставит на себя!»

На какое-то время сообщения перестают сыпаться, и я от нечего делать решаю немного послушать преподавателя. Тот замогильным голосом зачитывает с распечаток клинику аритмий. От монотонной речи быстро начинаю клевать носом, но сонливость как рукой снимает, когда открываю новое сообщение от Тима:

«Зря. Я бы на тебя поставил».

В хмуром выражении, застывшем на лице, брови стягиваются к переносице. Перевожу взгляд с экрана телефона, где еще открыт диалог с Тимуром, на черноволосый затылок Глеба и нервно передергиваю плечами.

До сих пор коробит от мысли, что Глеб мог узнать во мне свою обидчицу. Уж если бы я нашла того, кто окатил меня мусором из окна, ему бы пришлось ой как не сладко... А вот что у новенького на уме, не знаю. И знать не хочу.

«Он не в моем вкусе, – прохожусь пальцами по сенсорной клавиатуре. – К тому же я на него мусорную бомбу скинула. Это точно знак!»

«Знак того, что моя ставка сыграет». На этот раз Тим прикрепляет гифку со Скруджем Макдаком, купающимся в деньгах.

Закатываю глаза и прикрываю рукой пылающее от стыда и гнева лицо. О концентрации и сосредоточенности на сего-

дня можно забыть. Поэтому, окончательно махнув рукой на заунывную лекцию, набираю новое сообщение, чтобы пере- вести тему:

«А ты куда вообще пропал? Болеешь?»

«Нет, – загорается на экране. – Сегодня все расскажу. После универа в “Перезагрузке”, как договаривались».

«Окей».

После этого Тим пропадает из сети, а я, отложив телефон, снова пытаюсь собраться с мыслями и сфокусироваться на учебе. Однако к концу занятия в моей тетради вместо записей об аритмиях оказывается несколько новых рисунков, а когда преподаватель объявляет о завершении пары, во мне вспыхивает дремавшая все утро энергия. Но быстро поки- дать вещи в рюкзак и сбежать не выходит...

– Напоминаю, перед тем как уйти, вы по парам должны прокурировать пациента, – мужичок с одутловатым лицом передает старосте список фамилий и палат больных. – От- метьте здесь, кто кого взял. Написанные истории болезни сдавать на следующей неделе!

Аня деловито обводит взглядом группу, прежде чем вы- дать:

– У нас сегодня один отсутствующий. По парам не выйдет.

Преподаватель, имя которого я даже не помню, пронзает старосту раздраженным взглядом:

– Значит, кто-то будет один. Или в тройке.

Сказав это, врач даже не дожидается новых вопросов или

готового списка. Белой вспышкой уносится из учебной аудитории и бесследно исчезает в больничных коридорах.

Следом за ним постепенно растворяются одноклассники. Они по двое отмечаются в списке и, похватав тетради и фонендоскопы, почти бегом мчат к своим пациентам. Благо идти далеко не нужно, ведь занятия с этого семестра проходят в учебных аудиториях больниц и клиник.

Спешка понятна – чем быстрее опросишь больного, тем раньше уйдешь домой. Только вот из-за столпотворения у первой парты, где лежит список, с задних рядов добираюсь до заветной бумажки почти последней. В комнате остаются только Аня, отвечающая за документ, и Глеб, отважившийся стать напарником старосты.

– Сегодня одна, Диан? – заглядывая мне в лицо, заискивающе спрашивает Аня. Я даже плечами пожать не успеваю, а в разговор вмешивается Глеб.

– Можешь с нами пойти, – неожиданно для меня и Ани предлагает он.

Вдруг листок в руках старосты тихонько шуршит. Она, отчаянно вцепившись в заветный список, напряженно прижимает его к груди. В васильковых глазах проступает свинцовая тень, когда Аня оборачивается на Глеба как на предателя.

Парень ревнивых искр рядом с собой совсем не замечает и даже бровью не ведет. Но мне нарушать их тихую идиллию и быть третьей лишней не хочется. Не потому, что боюсь Гле-

ба, а чтобы не злить старосту. Вдруг надо будет попросить прикрыть на пропущенной паре?

– Я одна быстрее справлюсь, – честно говорю то, что вертится на языке.

– Как знаешь, – кивает Глеб.

Аня облегченно выдыхает и протягивает мне список со всего одной свободной фамилией, напротив которой вписываю свою. Больше ни на секунду не задерживаюсь в кабинете, душащем атмосферой между новеньким и старостой. Оставляю их наедине и убегаю, пока искры между ними случайно не обожгли меня.

* * *

Беседа с пациентом много времени не занимает. Быстро скачу по всем ступеням привычного алгоритма: приветствие, вопросы про самочувствие и анамнез, ответы под запись, коротенький осмотр с пальпацией и пожелание крепкого здоровья на прощание. Нужные заметки получены, беглая перкуссия, которую спишу с норм, проведена, диагноз понятен. Отправляю сообщение Тимуру, предупреждая об окончании занятий, и беру курс на «Перезагрузку».

Довольная собой, вышагиваю по проспекту, предвкушая встречу с другом. Тимур еще вчера обещал принести летние наработки комикса, и меня гложет нетерпение. Как костюмы, придуманные мной, будут выглядеть на страницах нари-

сованной истории?

Мысли о нашем проекте затмевают все прочие невзгоды. Думать забываю о родителях и их наставлениях, об обмане семьи и тайной подработке, об огромной истории болезни, которую нужно приготовить всего за неделю...

А вот о Глебе забыть не получается, потому что именно с ним нос к носу сталкиваюсь в метро.

Витаю в облаках, съезжая по эскалатору. Полукруглые тень тоннеля проносятся над головой, пока листаю ленту в интернете. Лицо щекочет сквозняк, в глубине подземки визжат составы...

Когда спускаюсь почти до конца, прячу телефон в карман ветровки и готовлюсь сойти. И вдруг среди потока людей замечаю Глеба. Он стоит рядом с эскалаторами, явно чего-то дожидаясь.

Сердце гулко ухает, по телу разливается неприятный холодок. Сталкиваться с Глебом почему-то не хочется, в душе появляется нехорошее предчувствие.

Передо мной на эскалаторе своей очереди дожидается девочка лет десяти. За крохой, ясное дело, спрятаться не удастся, а вот за грузным мужчиной, что стоит позади, – вполне. Скомканно извиняюсь и, против хода автоматически ползущих ступеней, лезу наверх. Люди недоуменно косятся в мою сторону, а когда вынуждаю подвинуться старушку, то выслушиваю гневные замечания о дурном и невоспитанном поколении.

Потом, кровью и бранью в свой адрес все же получаю заветное место за широкими плечами незнакомца. И как раз вовремя – моя ступенька достигает финиша. Гордая собой, спрыгиваю с разгладившейся дорожки и следую напрямиком за габаритным мужчиной. Смотрю себе под ноги, сливаюсь с толпой... и тихонько охаю, когда кто-то выуживает за локоть из многолюдного потока.

– Ну и представление ты устроила, – отведя меня в сторону, запускает шпильку Глеб.

Обиженно поджимаю губы:

– И тебе привет.

На мою колкость он никак не реагирует. Только серьезно смотрит сверху вниз, а я начинаю ощущать себя виноватой.

– О каком представлении речь? – беззаботно пожимаю плечами и всеми силами пытаюсь отогнать дурацкое чувство стыда. – Просто уронила брелок и поднялась за ним. Не вижу проблем.

Картинно скрещиваю руки на груди и деловито вздергиваю нос. Глеб равнодушно пропускает мое надуманное оправдание мимо ушей.

– Я к тебе по делу, – коротко оповещает он, и я тут же теряю свою напускную уверенность. – Ты ведь Фогель Диана?

В груди расплзается липкий страх, а я неосознанно вжимаюсь спиной в стену. Уйти от разговора не получится – Глеб чуть ли не нависает надо мной, перекрывая пути к отступлению. По его морозному взгляду ничего невозможно про-

честь, но серьезный настрой чувствуется крайне остро. Он не отпустит, пока не поговорим.

Первым порывом приходит мысль о вчерашнем проступке. Все-таки Глеб навел обо мне справки в кафе и с рук обиду не спустит...

– Да, это я, – собираю волю в кулак и делаю ничего не подозревающий вид, – а что?

– Мы с тобой в одной команде, – его голос немного теплеет, а из глаз пропадает холодный туман.

– Какой команде? – выпаливаю удивленно, а Глеб вновь напрягается. Смотрит на меня с неприкрытым удивлением, его губы нервно подергиваются.

Я-то думала, он меня выловил, чтобы отчитать за вчерашнее! Ну, обозвать безответственной, поугрожать немного... От страха и думать забыла обо всем остальном.

Глеб смотрит на меня как на отсталую. Несколько секунд молча тарашится, будто ожидая, когда закончу прикалываться. Но просветления в помутненном от страха сознании не наступает.

– В хирургической команде, – как ребенку поясняют мне. – Я тоже в абдоминальной хирургии.

Пораженно поднимаю брови, а у Глеба вырывается тяжелый вздох отчаяния:

– Ты не помнишь, в какой кружок записалась?

– Почему же, – обидчиво веду плечом, когда без запинки вру, – помню, конечно. Просто учеба, работа... Забегалась.

– Понимаю. – Его взгляд вновь светлеет, льдинки в нем тают. – В какой больнице дежуришь?

Мысленно щелкаю языком от возмущения. Глеб даже не подумал, что могу работать не в медицине! Он такой же, как мои родители.

Вслух же своего негодования не выливаю, а завожу старую песню. Ту же, что успешно сработала вчера на родителях. Безупречная, полностью продуманная ложь. Только главное, чтобы одноклассник не оказался «коллегой». Иначе придется сочинять новую сказку...

Но удача поворачивается ко мне лицом. Глеб понимающе кивает и признается, что тоже работает медбратом, только в другой больнице. Довольно улыбаюсь, радуясь успешно сработавшей обманке, а новый одноклассник ошибочно принимает это на свой счет.

– Тебе в центр? – вежливо интересуется он.

Киваю и медленно двигаюсь в сторону нужной линии. К моему удивлению, Глеб шагает за мной.

– Мне тоже, – улыбка впервые за день касается его губ, – по дороге обсудим.

– Может, потом? – протягиваю жалобно, вынимая из рюкзака наушники. – Не люблю обсуждать медицину, если я не на учебе... или работе.

Ямочки на щеках парня сглаживаются, а он следом за мной входит в вагон и произносит:

– А мы и не про медицину. Про кружок.

От настырного хвоста избавиться не удастся. Занимаю место в углу вагона, Глеб садится рядом. Состав резко трогается, а парень начинает подготовленную речь:

– Ты знала, что в этом году мы будем соревноваться парами?

– Может быть, – отстраненно выдаю я, – если пройдем отборочные...

– На отборочных тоже соревнуемся парами, – с напором поправляет Глеб.

Он красноречиво замолкает, ожидая моей реакции. А я не понимаю, что он хочет от меня услышать, и старательно отвожу взгляд. Догадываюсь, к чему клонит новенький, но на его затеи нет ни времени, ни желания...

– Собрания кружка еще не было, – так и не дождавшись от меня ни слова, продолжает Глеб, – но я нашел руководителя и узнал от него некоторые подробности...

Мысленно выключаюсь из беседы и принимаюсь считать станции до своей остановки. Их набирается всего три.

Первое впечатление о Глебе совсем не вяжется с тем, что вижу сейчас. Новенький казался мне холодным, отстраненным. Да и другим девушкам, готова поспорить, привиделся именно этот образ, что так любят романтизировать. Задумчивый голубоглазый брюнет, который никогда не улыбается и постоянно молчит...

Неудивительно, что появление Глеба в группе вызвало такой резонанс среди студенток. Теперь каждая хочет стать той

самой, что растопит сердце парня и нарисует на его лице улыбку...

Придуманное приторное описание невольно вызывает улыбку. Глеб вопросительно поднимает бровь и выжидающе склоняется ко мне:

– Ну, так что скажешь? – смотрит полным надежды взглядом. – Как тебе план?

Виновато прикусываю губу. Пока Глеб распинался передо мной и двигал какие-то стратегии, я витала в облаках. А теперь он спрашивает мое мнение!

– Крутой план, – иду ва-банк, ободрительно улыбаюсь и скрещиваю пальцы, спрятанные в кармане.

– Рад, что мы с тобой сошлись во мнениях. Когда приступим?

Не знаю, какой там план у Глеба, но мой точно терпит крах. Закашливаюсь от неожиданности и судорожно придумываю отмазки, сама не знаю от чего:

– Работа, – наигранно поджимаю губы. Тяжелый вздох разочарования даже выдавливать из себя не приходится. Я действительно чувствую, что ввязываюсь во что-то, что мне очень сильно не понравится...

Глеб внимательно смотрит на меня. От пронизывающего холодом взора по нутру проползает мороз.

– Вообще-то, работа оговаривалась планом, – терпеливо напоминает он.

Хмурюсь и пристально вглядываюсь в лицо Глеба, будто

надеясь прочесть прослушанные детали разговора. Но голос из динамика называет следующую станцию, и я едва сдерживаюсь, чтобы не расплыться в улыбке облегчения.

– Я на следующей выхожу. – В душе бушует нетерпение, и играть огорчение становится невыносимо тяжело.

Подхватываю рюкзак и, не дожидаясь остановки, двигаюсь к дверям. Так спешу сбежать от Глеба, что немного теряю равновесие. Кто-то подхватывает меня за локоть. Оборачиваюсь, чтобы отблагодарить доброго пассажира, и лицом к лицу сталкиваюсь с приставучим новоиспеченным одноклассником... и напарником.

– Я тоже выхожу.

От досады подкашиваются ноги, и я чуть не бодаю парня лбом в подбородок. Глеб твердо впивается пальцами мне в плечи, помогая устоять. Пока молчит, он снова кажется несколько отчужденным, меланхоличным. Не случись этой беседы, я бы и дальше думала, что Глеб замкнутый недотрога.

Из вагона он выходит следом за мной, становится рядом на эскалаторе, ползущем вверх, и снова возвращается к прерванному разговору:

– Что решила? – Глеб поворачивается ко мне и двумя руками опирается на двигающиеся перила позади себя.

Конец лестницы пока что даже не видно. Кажется, будто ступеньки назло едут медленнее обычного. Настойчивость Глеба душит, напористость берет в тиски. Даже сбежать от

него не удалось!

– Ты о чем? – Сил на притворство почти не остается. Я выдохлась.

Глеб щелкает языком, и этот жест застает меня врасплох. Не думала, что его упорство иссякнет так скоро.

– Когда мы начнем встречаться, Диана?

Если бы лестница не была забита народом под завязку, сомневаюсь, что осталась бы стоять на месте. Но бежать не выйдет, а Глеб сверлит меня выжидающим взглядом, стоя совсем рядом.

В голову ничего не приходит. Абсолютная звенящая пустота. Только сообщение от Тимура мелькает где-то в памяти: «Я бы поставил на тебя».

Борюсь со смущением и встречаюсь с Глебом взглядом. Не отворачиваюсь, как прежде, не отвожу глаз и впервые за время нашего знакомства смотрю на Глеба, а не сквозь него.

Блики ламп дрожат искорками в морозной паутине глаз. Глеб, чуть опустив голову, внимательно наблюдает за мной и ждет ответа, пока я оценивающе осматриваю его.

Высокий, стройный, ухоженный. Внешне ужасно похож на моего комиксного любимчика – Дика Грейсона⁵. Но это не повод, чтобы начинать встречаться!

– Глеб, – аккуратно начинаю я и опускаю глаза, – мы ведь почти не знаем друг друга.

– Я тоже не в восторге, – поддерживает мое огорчение

⁵ Дик Грейсон – Найтвинг, супергерой вселенной DC Comics.

Глеб, а во мне почему-то вспыхивает обида. – Но у нас нет иного выхода.

Вздергиваю подбородок и отвожу раздраженный взгляд. Что это за план такой вынуждает его, бедненького, со мной, неугодной, встречаться?! Да и чем я ему плоха? Не дурнушка, не глупышка... бунтарка временами, но об этой моей черте Глеб пока еще ничего не знает.

– Выход есть всегда, – ядовито выплевываю, не желая принимать предложение высокомерного зазнайки.

– Говорю же, – устало выдыхает Глеб, когда вместе со мной сходит с эскалатора, – я подходил к руководителю. В этом году отбор будет очень жесткий, пары распределили в первый же день. Меняться нельзя. Участвовать по одному – тоже.

– Ну а то, что мы будем с тобой встречаться, как плану поможет? – выпаливаю, не подумав.

Глеб, придерживавший передо мной дверь из помещения метро, так и застывает с недоумением на лице. Голубые глаза подергиваются сизой дымкой, губы вытягиваются в жесткую линию.

– Наши встречи помогут подготовиться к отборочным, стать командой и не пролететь на испытаниях. Ты меня вообще не слушала?

Нервно сглатываю и заливаюсь краской. Надеюсь, Глеб не заметит горящих щек, иначе легко догадается обо всем: о пропущенных мимо ушей словах и о неправильно понятом

предложении.

– Слушала, – немного стусевавшись, говорю я, – просто хочу точно знать, на что соглашаюсь.

Глеб неодобрительно косится на меня, идя рядом вдоль проспекта:

– Так говоришь, будто прошу кредит на себя взять.

Прыскаю и качаю головой. Слишком затягивается наша прогулка. До «Перезагрузки» остается всего ничего, а Глеб так и не отстаёт. При нём входить в кафе не хочу. Вдруг все-таки вспомнит о вчерашнем конфузе с мусорным пакетом? А мне проблемы совсем не нужны.

– Допустим, я согласна, – надеюсь, что после закрепления договора Глеб хотя бы на сегодня отвяжется, а я смогу спокойно и без свидетелей отправиться на встречу с Тимуром.

Глеб резко останавливается, и я не сразу замечаю оставшего собеседника. Когда оборачиваюсь, не нахожу его в плотном потоке людей. Душа ликует. Неужели вот так просто? Пожимаю плечами и снова беру курс на кафе, но уже который раз за день Глеб вылавливает меня из толпы.

– Быстро ты убегаешь, – крепко держа меня за локоть, говорит он.

В груди скапливается тяжелое и неприятное ощущение. Раздражение.

– Я думала, ты получил, что хотел, и ушел, – красноречиво сверкаю на него глазами.

– Куда-то торопишься? – почти виновато спрашивает

Глеб.

Достаю из кармана смартфон и проверяю время. Пока что не опаздываю, но Глебу знать об этом необязательно. Даже если приду немного раньше Тимура, будет несколько минут перевести дух после выматывающей беседы.

– Да, опаздываю, – вру без зазрений совести. – Поэтому, если мы договорились...

– Пойдем тогда скорее.

Глеб касается моего плеча, подгоняя, и двигается дальше по проспекту, чуть ускорив шаг. На меня он больше не смотрит и не замечает недовольного взгляда. Конечно, очень мило, что он беспокоится о моем «опоздании», но мне такая забота не нужна. Достаточно просто оставить меня в покое!

– Мне в ту же сторону, – отвечает он на вопрос, который даже задавать не собиралась. – А тебе еще далеко?

Совсем недалеко. Впереди уже маячит знакомая неоновая вывеска. Но при Глебе я ни за что не вернусь на место преступления!

– Так что там со встречами? – не хочу отвечать и бесцеремонно перевожу тему.

Чуть замаявшись, он протягивает мне телефон, из-за которого недавно отстал, пытаюсь найти гаджет в рюкзаке:

– Дашь свой номер? Позвоню на днях, согласуем графики работы и решим, когда и где будем встречаться.

– Интернет не для тебя? – чуть не захлебываюсь сарказмом.

– Скорее не для тебя, – ловко переводит стрелки Глеб. – В групповом чате ты словно призрак. Сколько десятилетий назад в него заглядывала?

– Откуда ты вообще знаешь, что я в нем не появляюсь? – ухожу в отрицание и, ухмыльнувшись, гляжу на Глеба. Не хочу давать ему свой номер. Пусть уж лучше в соцсетях пишет.

Мы останавливаемся у последнего пешеходного перехода перед кафе. И пока я думаю, как избавиться от хвоста, Глеб говорит:

– Знаю хотя бы потому, что вчера писал в чат про новые правила кружка. А ты о них ни сном ни духом, пока со мной не поговорила.

Светофор загорается зеленым, и мы вместе с потоком людей снова двигаемся вперед. Нервно прикусываю губу – до входа в «Перезагрузку» остаются считанные шаги.

– К тому же ты явно была не в курсе, что в группе будет новенький...

– Я отвечу на сообщение, не переживай, – заверяю я, но сама в свои слова верю с трудом. В мои планы входило вылететь из кружка на отборочных.

– Лучше дай номер, Диан. Это на крайний случай.

Метнув выжигающий взгляд, все же беру телефон из его рук. Экран оказывается разбит, но устройство работает вполне исправно. Останавливаюсь и выбиваю на сенсорной клавиатуре вереницу цифр. Даже не вру – номер действи-

тельно мой. На случай, если Глеб захочет проверить и набрать его здесь и сейчас.

Но он благодарно кивает и убирает телефон в карман пальто. Того самого, что пострадало от моей руки и брошенного в окно мусора...

– Тебя проводить? – интересуется Глеб, а я едва не вспыхиваю.

Сначала он недоволен моим навязанным обществом, а потом предлагает вместе пройтись? Подозрительно кошусь на Глеба, но его лицо вновь кажется непроницаемым. Стоило нам прекратить обсуждать учебу и кружок, Глеб тут же потух. Первый признак фанатизма.

Все-таки я не ошиблась. Он такой же, как мои родители.

– Нет, спасибо. Я уже пришла.

Через плечо указываю на заведение позади. Даже не помню, что там, но по смущенному взгляду Глеба понимаю, что что-то не так.

– Тогда до скорого, – он натянуто улыбается и исчезает в бесконечном питерском потоке прохожих.

Пожимаю плечами и оборачиваюсь. Перед носом вырастают манекены в кружевном нижнем белье, а по телу разливается жаркий стыд.

ГЛАВА 4

Перезагрузка

– Может, он просто запал на тебя?

Такого вывода из сегодняшней истории я точно не ожидала.

От заявления Тимура чуть не падаю под стол и умудряюсь поперхнуться газировкой. Напиток течет через нос, глаза слезятся, и сквозь приступы кашля выдавливаю:

– Издеваешься?!

Тимур страшными глазами таращится на меня, пока вытираю со стола расплескавшуюся газировку.

– Вообще-то, я говорил серьезно. До того момента, пока твой нос не превратился в фонтан.

Сверлю Тима взглядом, пока он залиvisto смеется над своей шуткой. Заразительно смеется, нужно признать: от души и до блеска в глазах. Но у меня с самоиронией все крайне плохо, поэтому к веселью друга не присоединяюсь.

– Кончай десна сушить, – ворчу обиженно.

– Да ладно тебе, – примирительно протягивает рыжик. – Я шучу. Ну, а Глеб...

– Зануда, – злобно бурчу под нос.

Бровь Тимура взлетает над желтой оправой очков, когда он вознаграждает меня укоризненным взглядом:

– Ты его даже не знаешь толком. Дай парню шанс!

– В чем? Все, что ему от меня нужно, – успешное сотрудничество.

– Диана, будь умнее, – Тим вдруг включает наставительный тон. – Ты ведь достаточно романов и манги читала! Это же отличная завязка для отношений!

– Тимур! – рычу сквозь зубы, выпучив глаза на раскрасневшемся лице.

– Да и, в конце концов, – рыжий меня будто не слышит, – тебе нужен будет друг.

– Ты мой друг!

Тимур неожиданно бледнеет, снова становится напряженным. Я еще при встрече заметила его недоброе настроение, а потому тут же взялась отвлекать товарища от смурных мыслей. За нашим любимым столиком, у панорамного окна с видом на проспект, в красках рассказала о приставучем Глебе. Мне казалось, что с миссией справляюсь успешно, ведь друг поддерживал повествование шутками и смущающими намеками, но сейчас Тим опять нахохлился и помрачнел.

Его дурное настроение молниеносно передается мне. В воздухе повисает тяжелая атмосфера недосказанности.

– Диан, я должен был тебе сразу признаться, – не поднимает глаз от сцепленных пальцев. Мнется, будто боится сказать.

– Ты в меня влюбился? – неуверенно бросаю догадку жалобным и чуть дрожащим голосом.

– Нет, ты что! – тут же вспыхивает, будто упрекнула в чем-то ужасно аморальном. – Я перевелся.

Сердце колючей льдинкой опускается в желудок. Меня с ног до головы окатывает холодное и давящее чувство – одиночество. Мысли застилает туман, а я, не веря в происходящее, таращусь на сидящего напротив Тимура.

Как же так? Все года, что уже проучилась в медицинском, Тим всегда был моим спасательным кругом. Лишь благодаря ему не захлебнулась тоской, не отказалась от мечты связать жизнь с искусством, нашла себя в новых увлечениях.

Учеба рядом с Тимом казалась не такой уж невыносимой. А теперь он уходит.

– А как же наш комикс? – голос неприятно дрожит.

Тим нервно прыскает и ерошит непослушные волосы, что торчат во все стороны медными иголками. Он бросает на меня взгляд поверх очков, и я замечаю в глазах друга проблеск разочарования и обиды.

– Я из города никуда не уеду, – все же заверяет он, а потом чуть тише добавляет: – А ты, Ди, могла бы и порадоваться за меня. И хотя бы спросить, где теперь учусь.

Замечание бьет метко в цель. Сердце сжимается от чужой боли, кровь бурлит от стыда.

– Прости. Просто слишком неожиданно. Так куда ты перевелся?

– В институт Репина. Теперь учусь на художника-графика. У меня округляются глаза, а челюсть отвисает до пола. Ти-

мур же гордо сияет, довольный произведенным фурором.

Смотрю на его счастливую улыбку, а внутри сгораю от стыда. Эгоистка. Даже не подумала о Тимуре, о его желани-ях. Сразу же метнулась на друга с обидами, а вместо заслу-женных похвал вывалила недовольное и раздутое эго.

– Я отвратительный друг, – щелкаю ногтем по ярко-розо-вой трубочке в полупустом стакане. – Радоваться должна. И брать с тебя пример.

Тимур отодвигает от меня газировку, спасая ни в чем не повинную трубочку. Накрывает сжатую в кулак ладонь своей и успокаивает:

– Все нормально. – Он неловко улыбается. – Тебя тоже можно понять... больше в группе ведь ни с кем не общаешь-ся. Прости.

Удивленно скидываю взгляд и спешно отмахиваюсь:

– Ничего, переживу. Главное, что ты в Питере и никуда не уезжаешь.

– Ну да. Правда, в общежитии жить не особо здорово. Но уж лучше так...

Договорить Тимур не успевает. На стол между нами с гро-хотом опускается поднос с горой посуды и мусора.

– Диан, что за ерунда? – Игорь, бармен «Перезагрузки», грозно упирает руки в бока.

Я вздрагиваю, а в душу закрадываются подозрения. Все-таки Глеб заходил в кафе разобраться... Выдуманные оправ-дания уже готовы сорваться с языка, но Игорь снова гаркает:

– Ну, и чего сидишь? В зале бардак, все кувырком! А сегодня, между прочим, начальник придет.

– И что? – сухо бросаю я, глядя на худощавого крючка-Игоря снизу вверх.

Его лицо в изумлении вытягивается, бледнеет, а сыпь на контрасте становится еще краснее.

– Твоя смена идет, – он снова подталкивает ко мне звенящий посудой поднос, – шуруй работать.

Взгляд Тимура скачет между разгневанным Игорем и мной. Друг заметно нервничает, а я демонстративно разваливаюсь на диванчике и одним пальцем отталкиваю от себя предложенную грязную работу:

– Хорошая попытка, но не сегодня.

– Выпендривайся дальше. Не меня же уволят...

– И не меня, – безразлично пожимаю плечами. – Сегодня ведь не моя смена.

Просветление наступает не сразу. Игорь затуманенным и недоверчивым взглядом косится на меня. Затем вынимает из кармана джинсов смартфон, наверняка проверяя дату.

– А что ты тут тогда делаешь? – спрашивает, оторвав взгляд от экрана.

– Планирую ограбление, – не улыбаюсь и лениво потягиваю остатки своего напитка.

Игорь щелкает языком и подхватывает поднос, что опасно гремит нагроможденной посудой. Даже не извиняется и убегает куда-то вглубь зала, пугая посетителей новым воплем:

– Дени-и-ис!

Смотрю ему вслед и задумчиво хмыкаю:

– Наверно, надо было не дерзить, а помочь. – Заметив вопросительный взгляд Тимура, добавляю: – Игорь меня вчера сильно выручил, взял на себя часть работы, чтобы я не опоздала на учебу.

– Если ты хотела его отблагодарить, то шанс упущен.

Тимур кивает на выбежавшего в зал официанта. Скорее всего, тот самый Денис, получивший по шее. На паренька смотреть страшно – лицо краснее флага СССР, пот катится градом, руки дрожат. Того и гляди опрокинет поднос на посетителей.

– Не, – презрительно фыркая, – терпеть не могу, когда на меня наезжают. Вот если бы по-хорошему попросил...

– Ага, и в реверансе присел, – плутовато ухмыляется Тим. – Смотри, Ди, а то и правда ведь довыпендриваешься.

– Сказал мне человек, явившийся вчера на пару в универ, из которого отчислился, – насмешливо воркую я и наклоняюсь над столом, подперев кулаком подбородок.

Взгляд Тима подергивается инеем. Он вновь тускнеет, роняя:

– Просто хотел сообщить лично о своем переводе. Все равно в новом институте вчера вместо пар была встреча первокурсников. Так что ничего не пропустил.

Слова друга снова скребут по сердцу, но беру себя в руки и не позволяю грусти исказить лицо и голос:

– А в итоге, как обычно, прохладился со мной за задней партой...

– Ты бы себя видела! – вступается лис. – Зашла мрачнее тучи, а как меня увидела, то хоть улыбаться начала.

И пусть Тимур ни капли не врет, его замечание немного задевает. Не думала, что успела так притереться к другу и срастись с ним. Но быть одной из сиамских близнецов – не самая лестная роль.

– Ничего, переживу. Будто мало кроме тебя причин для улыбки, – заверяю, все же немного поникнув.

Зато Тимур быстро оживляется, заведя на горизонте новый повод для подколов:

– Ну да. Сейчас-то ты девушка свободная, завидная. С приданным на заднем ряду.

– Ты к чему ведешь, конспиратор?

Голубые глаза лукаво блестя, а Тим не спешит отвечать. Музыка, льющаяся из-под потолка, сменяется на новую мелодию. А Тим, узнав песню, принимается двигаться в такт и играть в темп бровями.

– Если ты про Глеба...

В лазурных кристаллах пляшут бесята. Лис вдруг нависает над столом, склонившись ко мне, и подозрительно щурится:

– А чего это ты сама про него вспомнила? Что в мыслях, то и на устах?

Возмущенно взревев, откидываюсь на спинку дивана.

Слышу довольный смех Тимура и выплевываю в его сторону:

– Сводник недоделанный!

– У меня просто маленький опыт работы. Ты мой первый клиент.

– Отказываюсь! Не нужна мне сваха! К тому же с Глебом!

– А я думаю, что нужна, – не прекращает издеваться рыжий. – Посмотрим, как запоешь, когда он тебя на руках носить будет!

Запрокинув голову, раздражаюсь диким хохотом. Несколько посетителей выглядывают из-за цветных ширм и недовольно поглядывают в нашу сторону.

– Не смей меня! Если Глеб и понесет на руках, то только на олимпиаду по хирургии. Чтобы не сбежала и не завалила его на отборочных. Мы ведь одна команда! – протягиваю наигранно.

Из-за соседнего столика на меня подозрительно косятся два парня. Между ними разложено несколько колод, по столешнице разбросаны фишки и многогранные кубики. Однако наш с Тимом диалог их привлекает почему-то больше, чем настольное сражение.

– Ливерша⁶, что ли? – с презрением бросается сленговым обзывательством незнакомец.

– И зачем такую в команду брать? – кивает его товарищ, изучая меня полным отвращения взглядом.

⁶ Ливер – человек, который покидает игру до ее завершения и тем самым подставляет свою команду.

– Для дополнительного опыта⁷, – протягиваю сладко и ядовито улыбаюсь подслушивающим.

Столкнувшись с моим выжигающим взглядом, парни шустро ныряют носами в свои колоды и больше не подают признаков жизни. Разобравшись с пешками, принимаюсь за босса.

– Ты дошутился! – картинно задираю нос. – Халат свой обратно не получишь!

Тимур театрально хватается за сердце и впивается пальцами в цыплячью футболку с принтом Пикачу. Покемона косит, и он превращается в лимон с глазками.

– Не вели казнить! Я знаю, как спасти халат и загладить вину! – вдруг находится он, а в следующий момент на столе появляется знакомая пухлая папка.

Едва завидев ее, довольно охаю и нетерпеливо потираю ладони. Мы шустро переставляем напитки и еду под диваны, чтобы случайно не испортить труды Тимура. А в следующую минуту по столу раскидывается скатерть из страниц с цветными фреймами⁸.

Знакомые персонажи ведут историю из кадра в кадр. Особо важные сцены занимают целый разворот, где детали изображены до мелочей. Картинки выглядят сочно, несмотря на

⁷ В онлайн-играх команды набираются случайным образом, но в некоторых случаях, играя заранее собранной компанией, можно получить дополнительные очки опыта.

⁸ Фрейм – отдельный рисунок комикса, окруженный рамкой.

мрачную атмосферу и темную палитру.

– Ты действительно много нарисовал за лето! – мой голос звенит от восхищения.

Аккуратно перебираю страницы, разглядывая рисунки. Текста в комиксе пока что нет, и облачка диалогов пустуют. Реплики мы с Тимуром прорабатываем в отдельном блокноте, не спеша включать их в историю.

– Это ты еще самое важное не видела, – интригует друг и протягивает несколько страниц.

На одном листе оказывается разворот, на который таращусь немигающим взглядом. У меня перехватывает дыхание. Глупо приоткрыв рот, в изумлении смотрю на свою ожившую мечту. Тимур использовал мой дизайн наряда!

На кадре – пепельноволосая героиня, Ари, стоя в лодке, склоняется над водой. Она рассматривает в черном озерном зеркале длинный шрам на щеке, что совсем не вяжется с нежным вечерним образом.

– Перед балом участников, – подсказывает сцену Тим, хотя я и так знаю сюжет от корки до корки. Завороженно киваю и даже не поднимаю глаз.

Жадно изучаю каждое кружево, каждую крохотную деталь образа героини. Наряд выглядит живо, естественно. А мне с трудом верится, что когда-то это платье вышло из-под моей руки.

Лиф плотно обнимает талию и грудь молодой девушки. От верха наряда к ключицам ползет кружевной узор – сте-

бельки с розовыми бутонами. Открытые плечи остро выступают над легкими и пышными рукавами-фонариками. Под их прозрачной тканью, словно подвешенные в воздухе, горят сотни крохотных звезд. Осколки небесной пыли рассыпаны и по подолу, мягко обрисовывающему бедра. Легкая и прозрачная розовая ткань кружится вокруг талии в несколько слоев, первый из которых касается пола, а каждый следующий чуть поднимается над прошлой спиралью. Юбка словно растворяется книзу и открывает взору легкие туфельки на небольшом каблучке.

– У меня нет слов, – голос дрожит от волнения, глаза сияют от восторга.

Выпускать страницы из рук не хочется. Несколько кадров с Ариадной в моем наряде дарят столько тепла, надежды и гордости! Девушка кажется живой, а платье на ней – настоящим. Ткань развевается от ветра, сияет под софитами и мнется, когда Ари нервно теревит подол между пальцев.

Просто рисунки, а столько эмоций! И для меня они – подтверждение. Я что-то могу.

– Хочешь, оставь себе, – благородно предлагает Тимур, заметив эмоции, что я излучаю.

– Уверен? – едва не скрещиваю пальцы, боясь, что друг передумает.

– Ди, – обращается Тим доверительным тоном, – я же их не от руки рисую, а на компьютере, с планшета. Распечатаю еще, пустяк.

Счастью моему нет предела! Аккуратно прячу подарок между страниц толстого учебника и мысленно уже креплю отрывки комикса над кроватью. В свете гирлянд мое платье, платье Ариадны, будет выглядеть еще волшебнее!

– Знаешь, – воодушевленно объявляю Тимуру, пока роюсь в рюкзаке, – а я, пожалуй, даже сошью это платье. А то все косплей... Пора и что-то свое «оживить».

– Вау. Косплей, комиксы... Ребят, вы просто находка!

Выныриваю из рюкзака и оборачиваюсь на незнакомый голос. Перед нашим столиком оказывается взрослый парень в клетчатой рубашке. Темноволосый наглец без стеснения изучает разложенные страницы Тимура и задумчиво потирает щетинистый подбородок. Даже не удосуживается спросить у хозяина разрешения и берет несколько листов в руки.

Такое бесстыдство разжигает в моей груди пламя, а желание прогнать нахала растет с каждой секундой. Но незнакомец упорно не замечает моего гневного взгляда, и приходится перейти в наступление. Многозначительно кашляю, привлекая к себе внимание незваного гостя.

В бессовестных карих глазах – умиротворение и нерушимый покой. Ни намека на смущение! Во мне закипает недовольство: пальцы барабают по столу, нога нервно постукивает по полу. Дую губы и едва сдерживаюсь, чтобы не заскрежетать зубами от злости.

– Личное пространство...

Начинаю грозную речь, но закончить тираду не удастся.

Ботинок Тимура под столом метко ударяет прямо в колено. Эффект неожиданности срывает мощнее боли, и я тут же шиплю:

– Ты совсем сдурел?!

Тимур пучит глаза, стремительно краснея. Он даже шикнуть не успевает в мою сторону, когда незнакомец шокирует нас обоих:

– Извините, что потревожил. Но... Я присяду?

Пока я сурово молчу, предатель-Тимур бодро кивает. Парень падает на диван рядом со мной, и мне приходится сдвинуться к окну. Поджав губы, отворачиваюсь от Тимура, вдруг просиявшего от чужого интереса.

– Твоя работа? – звучит рядом низкий голос навязчивого парня.

– Рисунки мои, – гордо хвастается Тим. – Остальное делаем вместе.

– С ней? – Нахал указывает на меня большим пальцем.

Едко улыбаюсь, заглядывая прямо в глаза неугодному гостю. К черту манеры и вежливость! Нечего было так нагло вторгаться в мое личное пространство!

– Ты еще и костюмы шьешь? – будто не замечая моих шипов, интересуется самоубийца.

Брови дергаются, выдавая удивление. Он действительно слепой или специально притворяется, чтобы побесить? Неужели наглец не видит, что затесался третьим лишним?

– Шью, – говорю сухо, сдерживаясь из последних сил, что-

бы не сдерзить.

– А косплеишь? – не отстают от меня.

Отвечать не хочется. Перевожу на Тимура взгляд, пылающий возмущением, и мысленно умоляю о спасении. Но Тим, покоренный проблеском признания, вновь переходит на сторону врага:

– Она все никак не может решиться и поучаствовать в фестивале. Поэтому шьет в стол и рисует эскизы. Кстати, один из них я как раз использовал в комиксе.

Тимур спешно оглядывает столешницу, устеленную цветными страницами, но не находит нужной. Потом в его голове будто что-то щелкает, и рыжий вспоминает:

– Точно! Я же тебе, Диан, его отдал. Можешь показать?

Мечу молнии и резко выдаю:

– Не могу. Рюкзак где-то под диваном валяется.

– Я достану, – приходит на выручку уже ненавистный парень.

Он вытягивает за лямку рюкзак и подает мне. Раздается тихий звук – это из кармана выпал мой студенческий. Шумно вздохнув, наклоняюсь за документом, но сидящий рядом шатен меня опережает.

– Фогель Диана? – Он как бы невзначай заглядывает внутрь корочки.

Раздраженно выхватываю студенческий и умоляюще кошусь на Тима. Пусть прогонит мерзавца!

– Я тебя знаю. – В карих глазах скользит узнавание, а я

настороженно замираю.

Представиться темноволосый не успевает. Тимур тихо ойкает и подлетает со своего места, испуганно глядя куда-то под стол. Недоуменно кошусь на рыжего несколько секунд, не понимая, что произошло. А потом чувствую, как мокнут кеды...

– Официант! На помощь! – вопит Тим, спасая из лужи газировки чудом не пострадавший рюкзак.

Вместо неумелого официанта Дениса к нам на выручку с тряпкой в руках является Игорь. Он выглядит так, будто прямо сейчас отчитает за безобразное поведение и всучит уборку провинившимся. Нам.

Но стоит бармену заметить парня, от которого у меня уже по хребту иголки, Игорь мигом меняется в лице.

– Здравствуйте, Олег Александрович!

Без энтузиазма оборачиваюсь на шатена и оцениваю его оглядываю. Ну, какой он Олег Александрович? Максимум Олег.

Немногом старше меня, одет по-обычному, на подбородке заметны колючки щетины, а прическа и вовсе будто пережила ураган. До лохматости Тимура Олегу, конечно, далеко, но он идет по верному пути.

Олег и Игорь пожимают друг другу руки, а мы с Тимуром смущенно переглядываемся. Лужа под столом становится все шире, под диваном катается перевернутый стакан. С досадой кошусь на промоченные кеды, пока рядом с нами

болтают два парня.

– До шести сегодня?

– Да, вот последний час дорабатываю. – Игорь мнет в руках тряпку. – Наплыв страшный начался, просто завал.

Он бросает на меня укоризненный взгляд, и я сразу догадываюсь, что мой сегодняшний отказ от работы сильно задел Игоря. Однако чувство вины спит – не моя смена, убирать зал не обязана. Совесть же говорит голосом Тимура, упрекая: «А могла бы и помочь, с тебя не убудет. Ты ведь должна Игорю».

Отмахиваюсь от мыслей как от назойливых мух и принимаюсь собирать страницы с рисунками со стола. Сомневаюсь, что нам с Тимуром удастся зависнуть здесь до вечера – начался жуткий переполох, я промочила обувь, да еще и какой-то Олег привязался.

– Можешь сегодня уйти пораньше. – Парень в рубашке забирает у Игоря тряпку. – Здесь я сам уберу.

Олег как бы невзначай касается моего плеча, жестом прося немного подвинуться. Он ныряет под стол и берется за устранение свинарника, который устроили мы с Тимуром.

Мне становится неловко. Во-первых, потому что за мной, работницей кафе, убирает какой-то едва знакомый парень. Во-вторых, вряд ли простой посетитель может отпустить персонал со смены. В-третьих, я начинаю припоминать кое-что из того, что говорил Игорь о нашем начальнике, которого сама в глаза не видела. До этого дня.

– Олег Александрович! – зовет Игорь, но почему-то смотрит на меня. Что-то в его тоне мне ой как не нравится...

– Да? – доносится из-под стола.

Почувяв неладное, закидываю рюкзак за спину и быстро киваю Тимуру на выход. Но лис очень не вовремя погружен в проверку личных сообщений, моих знаков в упор не видит.

Бледные глаза Игоря злорадно блестят, а искусственная вежливая улыбка дрожит, становясь шире. Поджимаю губы и замираю, похолодев.

Уже догадалась, что под столом ползает тот самый Олег – владелец гик-кафе. А по заострившемуся лицу и хитро прищуренным глазам Игоря прочитала – сейчас он сдаст, что новая работница в первую же смену проспала порчу геймпадов.

– Помните, к нам новая сотрудница недавно пришла? – заискивающим тоном начинает Игорь, а я крепко стискиваю челюсти.

Тимур уже очнулся от забытья в интернете и теперь незаметно тянет меня за рукав к выходу. Но уходить больше не собираюсь. Зачем? Чтобы Игорь мне кости за спиной мыл? Нет уж! Разрешим все здесь и сейчас.

– Помню, – отзывается Олег, энергично натирая пол.

Игорь бросает на меня взгляд победителя, который встречаю с достоинством. Ни один мускул не выдает волнения. Провожу ребром ладони поперек шеи, адресуя немую угрозу злопамятному блондину.

Подумаешь, отказалась убираться не в свою смену! Это разве повод выдавать все грехи коллеги начальству? А ведь Игорь даже не в курсе инцидента с мусорометанием... Или все же в курсе?

– Диана Фогель, – называет мое имя бармен, проигнорировав молчаливое предупреждение. – Вот она, кстати.

Игорь наслаждается моей реакцией. Смакует каждый момент, который провожу в метаниях: сдаст или нет?

– Я знаю, – без эмоций выдает Олег, удивляя и Игоря, и меня. – Мы уже познакомились.

Самодовольство быстро стекает с вытянутого лица. Видно, что Игорь мечется, решая, сбросить ли главный козырь. Но сказать больше ничего не успевает.

– Я тебя, кажется, уже отпустил, – поднимаясь, с нажимом напоминает Олег. – Или ты хочешь остаться и доработать положенный час?

Он протягивает бармену мокрую тряпку, но тот отодвигается, отпрянув как от огня. Быстро прощается с начальником, злобно щурится в мою сторону, а потом исчезает с горизонта.

– Так вот откуда я тебя знаю, – вдруг улыбается Олег, обращаясь ко мне. – В документации имя сверкало.

– Угу, – несмело киваю и мысленно прикидываю, сколько раз за вечер успела окатить начальника пассивной агрессией. Совсем не радужные перспективы вырисовываются...

Вопреки моим ожиданиям о немедленном увольнении

Олег беспечно выдает:

– Ты обувь промочила. Подвезти? Я на машине.

Прикладываю титанические усилия, чтобы не уронить челюсть. Замешательство Тимура чую затылком – даже оборачиваться не нужно, чтобы увидеть шок на лице друга.

– Нет, спасибо, – натянуто улыбаюсь и медленно отступаю к выходу. – Мне недалеко.

Конечно, вру. Но садиться в машину к едва знакомому парню, пусть и начальнику, точно не стану. У меня пока что есть инстинкт самосохранения!

– Как знаешь, Диан. – Он, как мне кажется, немного разочарованно пожимает плечами. – Тогда до завтра.

– Ага, – роняю я, а сама поражаюсь, что он помнит мое расписание.

Из кафе мы с Тимуром уходим как никогда быстро.

ГЛАВА 5

Супергерл

– Странно, что Тимур мне ничего не сказал. А в деканате, говоришь, проблему с переводом уже решили?

Не дожидаясь моего ответа, Аня с нажимом вычеркивает друга из журнала группы.

– Обидно за тебя, Диан. – Староста дует покрытые блеском губки и жалобно сводит идеально покрашенные брови.

– Это с чего бы? – Прячу ладони в карманы белого халата и неосознанно вздергиваю подбородок. Не нужны мне наигранные жалость и сочувствие Ани.

– Ну как же, – блондинка будто пытается убедить меня, – ты совсем одна осталась.

Прыскаю и качаю головой. Такая реакция старосту удивляет: пушистые реснички трепещут, брови ползут на лоб.

– В группе еще четырнадцать человек. Не похоже на абсолютное одиночество.

Будто в подтверждение, в аудиторию входит компания из четырех студентов. Обмениваемся приветствиями, и ребята занимают свои места.

– Я имела в виду, что Тимур, – снова заводит шарманку Аня, но я пренебрежительно отмахиваюсь от ее предсказуемой болтовни и ухожу к своей парте под окном в конец ка-

бинета.

И дело даже не в том, что слова старосты меня задели или огорчили. Просто не хочу вести диалог «для галочки». По Ане прекрасно видно, что разговаривала со мной она на автомате, толком не вдумываясь в беседу. Блондинка мыслями витает за пределами аудитории, и, пока мы говорили, глаза не раз ее выдали.

Она постоянно поглядывала на дверь, вздрагивала и оживлялась, едва кто-то входил. Но тут же потухала, когда это оказывался не Глеб.

Не могу сказать, что хорошо знаю Аню или вижу людей насквозь. Но тут нужно быть слепым, чтобы не заметить – новенький ей очень нравится.

За несколько лет совместной учебы ни разу не видела, чтобы Аня приходила на занятия при полном параде: исключительно в платьях, на каблуках, со сложной укладкой и далеко не самым простым макияжем. Можно подумать, Аня просто изменила имидж, пересмотрев все сезоны «Топ-модели по-американски». Но мне со своей обзорной площадки заднего ряда прекрасно видно, как дергается светлая макушка при каждом стуке двери.

А когда в кабинете появляется Глеб, все сразу становится на свои места...

Едва завидев новенького, Аня расплывается в улыбке. Она убирает с соседнего стула сумку, уступая занятое место Глебу, заглядывает ему в лицо и что-то тихонько спрашива-

ет.

Глеб выглядит отстраненным. На вопросы Ани отвечает коротко или вовсе кивками. Даже не верится, что вчера за мной таскался именно он. Напористый, упертый и куда более болтливый. Расскажешь кому – не поверят!

Когда Глеб под лепет Ани закидывает рюкзак на спинку стула, наши глаза встречаются. Я без эмоций чуть поднимаю ладонь, приветствуя напарника. Не особо жизнерадостно и энергично, но на большее настроения нет.

В глазах Глеба что-то меняется. Льдинки оживают, теплеют, а потом Глеб резко отворачивается. Недоуменно хмурюсь в его сторону, но не испытываю ни обиды, ни возмущения. Листаю учебник, пытаюсь успеть повторить всю тему до занятия, которое вот-вот начнется. Но от дела отвлекает загоревшийся экран телефона – сообщение.

«Прости, что вчера не позвонил», – пишет Глеб, а я закрываю глаза. Он серьезно думает, что я ждала его звонка?!

Удивленно таращусь на экран. Потом на Глеба. Он подпирает голову ладонью, пока Аня самозабвенно ему что-то напевает. Интересно, она вообще замечает, что ее объект симпатии прямо во время разговора строчит сообщения?!

«Когда встретимся?» – высвечивается на экране. Морщусь, чувствуя, что все-таки закипаю.

«Когда у тебя хватит смелости разговаривать со мной лично», – на эмоциях отправляю ответ и тут же жалею.

Глеб оборачивается на меня и резко встает. Вызов принят.

– Привет, – он седлает стул, стоящий перед моей партой, и кладет руки на спинку.

Выглядываю через плечо Глеба и тут же сталкиваюсь с пылающим взглядом Ани. Даже слой тонального крема и пудры не способен скрыть ее раскрасневшиеся щеки.

– Что за дела, ковбой? – скрещиваю руки на груди. – Ты какой-то... странный.

– С чего это? – очень неестественно фыркает Глеб.

Украдкой оглядываю одноклассников и, к своему огорчению, замечаю несколько настороженных взглядов. Девчонки, само собой, наострили ушки и подозрительно косятся в нашу сторону.

В моем разговоре с Глебом нет ничего секретного, но делать его достоянием общественности все равно не горю желанием. Чуть наклоняюсь над партой, чтобы можно было говорить тише:

– Аня меня убьет.

Он искренне не понимает, почему я так решила. Нисколько не смущаясь, Глеб оборачивается к старосте. Та, опешив от такой прямоты, рдеет еще гуще и быстро ныряет за учебник.

– Что с ней? Давление? Лихорадка? – почти вижу, как в его голове проворачиваются шестеренки. Жаль только, не в ту сторону. – И при чем здесь ты?

Устало массирую переносицу. Тяжелый случай.

– Глеб, – доверительно склоняюсь к нему, – ты совсем ни-

чего не понимаешь?

По его напряженному и даже напуганному виду догадываюсь – совсем ничего. Но пояснять женскую психологию здесь и сейчас – чревато последствиями. Уже чувствую, как вокруг меня сгущается чужое неодобрение, а от взгляда Ани электризуется воздух.

Неприятные ощущения. Имей я на Глеба какие-то виды, забила бы на чужое порицание. И зависть. Но чего нет, того нет, а быть мишенью стрел ревности просто так – увольте. И без того несладко – моя главная поддержка и опора в лице Тимура умотала в другой вуз.

– Ближе к делу, – говорю очень громко, чтобы развеять тучу презрения над головой. Картинно откидываюсь на спинку стула, намеренно увеличивая дистанцию между мной и Глебом.

До этого мы говорили, склонившись друг к другу и едва не соприкасаясь лбами. Неудивительно, что девчонки уже начали вовсю шушукаться.

Что ж, подружек у меня в группе точно не появится. Но хотя бы врагами постараюсь не обзавестись.

– Здравствуйте, коллеги! – Сегодня преподаватель не опаздывает, и его своевременное появление прерывает нашу с Глебом беседу.

– У тебя свободно? – спрашивает он, кивнув на пустой стул. – Давай с тобой сяду.

У меня чуть челюсть не отвисает от столь неожиданного

предложения. Успеваю выпнуть Глеба в последний момент, когда он уже готовится занять место отсутствующего Тимура:

– Эй, дележка моей территории в уговор не входила! – Отодвигаю стул так, чтобы Глеб не сел на него. Лицо неудавшегося соседа нисколько не меняется.

– Потом договорим, – быстро бросает в мою сторону он и ретируется на передние ряды обратно к Ане.

Чужие взгляды жгут кожу. Намеренно не смотрю по сторонам и демонстративно утыкаюсь носом в учебник, изображая безразличие. Ко всем. И к неожиданно завистливым одноклассницам, и к Глебу, так не вовремя обратившему на меня внимание.

А он ведь не отстанет, пока мы в одном кружке...

Вот еще одна причина слинять от хирургов – избавлюсь не только от нелюбимого занятия, но и от Глеба. А вместе с ним – от чужой ревности.

– Сегодня у нас много дел, так что приступим, – наставляет преподаватель и сразу переходит к теме занятия.

Я же перехожу к выполнению домашки. Историю болезни мы должны сдать на следующей неделе, но чем раньше сброшу хотя бы этот груз ответственности, тем лучше. После учебы есть и другие интересные и важные дела, а на паре все равно обсуждают то же самое, что уже прочитала в учебнике. Баллы за семинар либо не ставят, либо они весят ничтожно мало. Зато история...

Пусть и не пребываю в восторге от специальности, за оценками стараюсь следить. Если в зачетке начнут выривываться тройки, родители мозг десертной ложечкой выедят. Мне проблемы ни к чему: с этого крючка уже не соскочить, так постараюсь хотя бы не усложнять себе жизнь.

Почти половина пары проходит очень плодovито – анализы расписаны, жалобы зафиксированы. Устало сдуваю с лица темную прямую прядь и собираюсь переходить к следующему разделу, но вдруг замечаю загоревшийся экран телефона.

Уверенная, что это опять Глеб, тяжело выдыхаю. Вот ведь прицепился! Однако сообщение от незнакомого номера.

«Доброе утро!»

Решив, что отправитель ошибся, снова углубляюсь в написание истории. Но смартфон настырно вибрирует, оповещая о новом уведомлении.

«Диана Фогель! Я вижу, что ты прочитала сообщение!»

Нервно оглядываю аудиторию. Выискиваю среди одногруппников кого-то, сидящего в телефоне. Не удивлюсь, если кто-то из девчонок решил анонимно поставить меня на место, вступить за Аню или побороться за свое место под солнцем. Но все девушки, как и парни, либо конспектируют слова преподавателя, либо смотрят в учебник.

«Покупать ничего не буду. Денег не занимаю. Услуги гадалок не нужны», – стреляю наугад и отправляю не самый доброжелательный ответ.

Какое-то время анонимный собеседник молчит, а во мне расправляет крылья гордость. Быстро отвадить – тоже талант! Но все оказывается не так просто, и скоро получаю новое сообщение:

«Это Олег. Нашел твой номер в документации».

С недоумением гипнотизирую дисплей. Понимание, что Олег – это Олег Александрович, мой начальник, приходит не сразу. Не потому, что страдаю провалами в памяти, а лишь из-за удивления – что ему от меня может быть нужно?

Услужливая паранойя тут же подсовывает варианты: Игорь рассказал про порчу геймпадов, которую я успешно проспала, или Олег как-то пронюхал о сброшенном в окно мусоре. И за первое, и за второе мне грозит приличный штраф. Как минимум.

Но в опровержение моим страхам от Олега приходит новый текст:

«Ты и правда занимаешься косплеем?»

Брови ползут на лоб. Откладываю ручку в сторону и отчего-то дрожащими пальцами пишу:

«Да».

Еще вчера злилась на Тимура за то, что он расклеился от похвал и чужого интереса. А теперь сама оказалась на его месте.

Невероятное чувство: трепет, предвкушение, желание быть замеченным и надежда, что это именно он. Мой счастливый билет.

«Есть фотографии костюмов?» – ожидаемо спрашивает Олег.

За стуком обезумевшего сердца не слышу слов преподавателя, шелеста страниц и воплей задыхающейся гордости. С Олегом я вела себя отвратительно: метала взглядом молнии, чуть не грубила, цедила сквозь зубы, а потом и вовсе сбежала, когда он предложил помощь. Но стоило ему заинтересоваться моими работами – я тут же, как какая-то собачонка, встала на задние лапки и начала прыгать.

Прикусываю губу, задержав палец над кнопкой «Отправить». Я не просто переступаю через гордость, так еще и игнорирую первое впечатление, которое, говорят, редко бывает обманчивым...

Отменяю отправку фото и вместо файлов шлю вопрос: «Зачем они вам?»

Морщусь, обращаясь к Олегу на «вы», но иначе с начальником говорить нельзя.

Сердце скачет по ребрам, перед глазами стоит вопрос Олега, в мыслях уже крутятся самые счастливые сценарии: помощь успешного человека, знакомство с правильными людьми, дорога к мечте и признанию...

В конце концов, Олег владеет целым гик-кафе и наверняка имеет множество связей в разных сферах. Вдруг начальника задела слова Тимура о том, что шью «в стол», и он решил помочь неумехе расправить крылья?

Однако ответ все никак не приходит, даже проверяю под-

ключение к сети. Но с интернетом проблем нет, а я медленно начинаю тонуть в сожалении и отчаянии. Все-таки нужно было сразу отправить фотографии, а не играть недотрогу... А если я только что упустила тот самый шанс на миллион?

Чтобы хоть немного успокоиться и отвлечься, отрываю глаза от телефона. Одногоруппники вместе с преподавателем разбирают ситуационную задачу. На доске прыгают схемы и цепочки связей, обведены в кружок какие-то сокращения. Вникнуть в суть вопроса мешает очередная весточка, которую получаю, трепеща от радости:

«Во-первых, давай на “ты”. Во-вторых, хочу понять, есть ли у тебя потенциал. Появилась одна идейка».

В конце сообщения красуется подмигивающий смайлик. Желтая мордашка кажется хорошим знаком, и это помогает мне быстрее решиться.

Заинтригованная и воодушевленная, скидываю все фото костюмов, которые у меня есть.

* * *

– Почему именно Супергерл? Я надеялся, что принесешь костюм Затанны. – Огорчение начальника заполняет небольшой кабинет, как вода аквариум.

Олег разочарованно смотрит на простое платье, разложенное на рабочем столе: красная юбка, золотой пояс, синий верх с длинными рукавами и с большой красной S на

груди. Мнусь у начальника за спиной, держа в руках завершающую часть – красный плащ.

Когда Олег в сообщении похвалил все мои работы, чуть не задохнулась от счастья. В груди горел пожар, а я, воспрянув духом, ждала, что начальник признается – он переслал мои фотографии какому-нибудь организатору фестиваля, известным фотографам или модельерам.

Однако помимо похвал я получила лишь скудное: «Отлично! Жду один из костюмов сегодня к смене!»

Несмотря на жгучее разочарование в несбывшихся надеждах, после пары домой за платьем ринулась сломя голову: пусть мои ожидания оказались далеки от реальности, руки опускать нельзя. Нужно хвататься за каждый шанс!

– Супергерл светленькая. – Олег оценивающе пробегает по мне взглядом, от которого передергивает изнутри. – А ты ведь даже не блондинка!

Кисло улыбаюсь и терплю. Потому что Олег – единственный, кроме Тимура, кто узнал о моем творчестве и заинтересовался им.

– Для таких случаев есть парики, – неуверенно парирую, – ну или на крайний случай краска.

Пока не знаю, зачем Олегу сдался один из костюмов здесь и сейчас. Он хочет порекомендовать меня кому-то? Отправить на рекламный фотосет для кафе? Но каким бы многообещающим ни был ответ, ни капли не жалею, что выбрала именно образ Супергерл, а не Затанны, на которую так упо-

вал Олег. Интуиция подсказывает, что несколько откровенный облик иллюзионистки сегодня лучше не примерять.

– У меня для тебя есть специальное задание, Диана.

Олег опускается в кресло и кивком приглашает сесть за стол. Вдруг возникшая серьезная и деловая атмосфера подпитывает мою надежду. Снова наступаю на старые грабли – ничего не знаю, но уже строю догадки и тайно торжествую.

– Я внимательно слушаю.

* * *

– Приходи на свидание с любимыми героями в «Перезагрузку»! – неестественно бодро кричу вслед прохожим, попутно впихивая всем подряд рекламные листовки.

На меня оборачиваются. Кто-то с интересом и немым восторгом, а кто-то с пренебрежением и насмешкой. Еще бы. Бесплатная клоунесса в костюме супергероини раздает листовки!

Одно в этом спектакле радует – есть люди, чьи лица озаряет искра узнавания. Они с улыбкой просят сфотографироваться. Спрашивают о том, где купить такое же платье, и удивляются, узнав, что шью сама. Интересуются, есть ли у меня странички с косплеем в соцсетях, и шокированно хлопают ресницами – как это нет?!

Несмотря на всю абсурдность, глупость и нелепость ситуации, такие люди дарят надежду и невероятный заряд вдох-

новения. Мне жаль, что костюм, который я создавала с трепетом и волнением, стал не объектом искусства, а клоунскими тряпками. Но именно сейчас понимаю – я достойна большего и могу это получить.

– Девушка... – обращается ко мне незнакомая девчонка лет пятнадцати. Весь ее вид от ярко-розовых волос до толстовки с Железным Человеком кричит о принадлежности к гик-сообществу. Она замороженно смотрит на меня, спрашивая: – А у вас в кафе все официанты косплееры?

На автомате протягиваю яркой девочке брошюру и честно отвечаю:

– Нет. Но мы работаем над этим!

Или не очень честно...

Зато какой эффект! Даже цветные линзы не способны скрыть вспыхнувший блеск глаз девчонки. Она резво оборачивается к компании друзей, и, недолго посоветовавшись, они гурьбой направляются за двери заведения. Через стену-окно вижу, как ребята, смеясь и улыбаясь, по лестнице взбегают на второй этаж к «Перезагрузке».

Украдкой замечаю, что меня фотографируют. Неожиданно даже для себя принимаю эффектную позу и широко улыбаюсь на камеру. Парень, снимающий на смартфон, довольно показывает большой палец и благодарно кивает.

Всего за час работы промоутером ко мне подходит столько людей, что сбиваюсь со счета. Доброжелательных, улыбающихся прохожих оказывается в десяток раз больше, чем ум-

ников, которые кричат: «Супергерл – блондинка!» Вскоре я начинаю чувствовать себя так, будто не рекламки раздаю, а участвую в фестивале. Настроение, что дребезжало на самом дне, вдруг подскакивает до неба! Теплого питерского неба...

Уютный вечер зажигает огни проспекта. Мягкие тени ползут вдоль домов и тают в свете фонарей и витрин. Через дорогу занимают площадку между зданиями музыканты и начинают играть знакомую мелодию.

Листовок остается всего ничего. Душа поет вместе с вокалисткой уличной группы, а я тихонечко пританцовываю под известную песню.

Когда кто-то осторожно трогает за плечо, машинально протягиваю яркий листок и не сразу гляжу на подошедшего человека. С улыбкой оборачиваюсь, готовая отчеканить очередную рекламную кричалку. Но вместо задорного приглашения в кафе испуганно охаю, вздрагиваю и роняю оставшиеся брошюры.

ГЛАВА 6

Оборотень

– Я так тебя пугаю? – Глеб помогает поднять те листовки, которые еще не успел разогнать ветер. – Ты будто призрака увидела, Диан.

В животе завязывается тугой холодный узел. Усилием воли подавляю пульсирующее желание бежать со всех ног и вдруг цепенею. Глупо приоткрыв рот, пялюсь на Глеба, который постепенно становится мрачнее тучи.

– Уже не смешно, – сипит он. Рука с брошюрами безвольно опускается, понуро опадают плечи. – Если я тебя обидел, так и скажи. Не понимаю этих ваших молчаливых сцен...

Настает моя очередь хмурить брови и подозрительно щуриться на собеседника.

– Чего? – протягиваю с возмущением. – Какие обиды? Ты о чем вообще?

Он в упор таращится на меня осуждающим взглядом. Его холодный вид отпугивает всех прохожих. Оборачиваться на нас не перестают, но больше не подходят за фото или листовками. Поток людей разбивается о нас, будто вода о камень.

– Пошли со мной, – сердито бурчит Глеб и направляется к дверям кафе.

Меня вновь охватывает нервная дрожь, а желание улиз-

нать разгорается с новой силой. Что задумал Глеб? Как он вообще меня выследил? И зачем?

Глеб уверенно шествует к заведению, даже не сомневаясь, что иду за ним. Но я как вкопанная застываю там же, где стояла. С тоской гляжу на свое отражение в зеркальных витринах: нелепый костюм супергероини и голова, забитая ворохом наивных идей. Такой сейчас меня видит Глеб?

Мало мне было позорных ситуаций с новеньким, так еще и эта дурацкая встреча...

Глеб оборачивается, уже придерживая для меня распахнутую дверь. Поникшая и растерянная, опускаю голову, чтобы не смотреть ему в глаза. Надо ли говорить, что моя фантазия уже набросала не самые радужные сценарии этой беседы?

– Пойдем, – он мягко касается моего локтя и аккуратно тянет в сторону «Перезагрузки».

– Я работаю, – упрямо вырываюсь и выхватываю тоненькую стопку выживших брошюр. Оглядываюсь по сторонам, ища поддержки. Но, стоило рядом возникнуть Глебу, люди будто перестали меня замечать.

– Это не займет много времени. – Он встает передо мной, преграждая дорогу, и забирает из рук листок, который протягивала другому пешеходу.

– Что ты за оборотень такой?!

Он вздрагивает. Синие глаза блестят от света вспыхнувших фонарей.

– Какой еще оборотень? – подозрительно подбирается он.

Даже отвечать не хочу. Неужели сам не понимает, как себя ведет? На учебе весь такой из себя неприступный Ледяной Принц, а по вечерам – настоящий маньяк!

– Ну, может, и не оборотень, – дырявлю затылок Глеба взглядом и продолжаю причитать, пока он, придерживая меня за локоть, все-таки ведет внутрь здания. – Вампир! Все соки из меня уже высосал!

За спиной вместе со щелчком закрывшейся двери раздастся вымученный вздох.

– Чего стонешь? – вхожу во вкус издевательств и плавно переключаюсь на самобичевание. – Вампир, оборотень... Ну уж точно не зомби. Они мозгами питаются. А так как ты за мной прицепился...

– Не смешно, Диан, – серьезно обрывает шутку, которую считала вполне удачной. – Я видел твои оценки. Глупой тебя точно назвать нельзя.

Неожиданная похвала чуть не выбивает почву из-под ног. Немного смутившись, гляжу на Глеба, пока он подбирает слова. Наивный. Даже не знает, что оценки – плод отнюдь не усердных трудов, а ловкого списывания.

При встрече была уверена – он явился по мою душу. Все тот же пресловутый мусорный пакет не дает покоя. Но сейчас Глеб распыляется комплиментами и явно пытается угодить.

Уже чувствую на губах привкус яда и готовлюсь обвинить: «Ага! Опять твой хирургический кружок, да?» Но вдруг на

втором этаже громко хлопает дверь, уводящая в зал гик-кафе, а Глеб, будто спасая от осколков гранаты, вместе со мной вваливается в небольшой отсек под лестницей.

Больно ударяюсь затылком и протяжно шиплю сквозь зубы. Глеб приваливается сверху, плотно припечатав к стене. Боль пульсирует в такт чечетке шагов компании, быстро сбегаящей по лестнице. Ребята шумно разговаривают и смеются, когда за ними закрывается дверь, в небольшой комнате повисает звенящая тишина. Или то звенит в моих ушах?

Жмурюсь, словно это поможет заглушить боль. В нос ударяет тонкий и пряный аромат, а я не могу сдержать нервный смешок. Ну вот. Отшибла себе мозги – уже и запахи чудятся!

На плечо ложится ладонь, тепло которой прожигает кожу через тонкую ткань платья. Прикосновение будто искрит током, и от такой встряски все мысли вдруг резко встают на место, а тараканы собираются в привычную ворошащуюся кучку.

– Грабли свои убери! – резко толкаю Глеба в грудь, но с таким же успехом могла бы щелкнуть ему по носу. – Ты что творишь?

Он отстраняется и делает короткий шаг назад. Свет падает на Глеба со спины, и туман полумрака под лестницей прячет все его эмоции.

– Я хотел поговорить с тобой, – бесцветно роняет он и тут же получает новую затрещину.

– Это что за разговоры такие, что девушку для начала

нужно головой о стену приложить?! – Кровь в висках пульсирует в такт гневу. – Пусти!

Пытаюсь выбраться из-под лестницы, отодвигаю Глеба, ухватив его за рукав темно-синей рубашки. Стоит сделать всего шаг навстречу свободе, и ноги вдруг подкашиваются, комната кренится и двоится.

Глеб придерживает меня за плечи, помогая не упасть. Медленно стекаю по стене в темный угол. Он садится на пол напротив меня.

– Может, вызвать скорую? – все еще держит меня за плечи.

Качаю головой, а комната пускается по волнам. Меня качает и штормит, на глазах выступают слезы. Смахиваю горячие капли краем красного супергеройского плаща и горько улыбаюсь – как нелепо.

– Диан? Слышишь меня? Позвать кого-нибудь?

– Позови кого угодно, – начинаю я. Глеб тут же оживает, уже готовый мчать за помощью. – Кого угодно, кто увезет меня подальше от тебя!

Его пальцы резко сжимают мои плечи. Даже в полумраке вижу, как Глеб испуганно отшатывается с широко распахнутыми глазами.

Его раны подпитывают мой яд. Снова показываю клыки:

– Знаешь, что хуже всего? Ты носишься за мной как сумасшедший всего по одной причине, и она выводит меня из себя. Дай угадаю, зачем ты явился?

– Диан, – перебивает он. Безжизненный и сухой голос. – Я не хотел, чтобы все так получилось...

Не слышу Глеба, но чую грызущую его вину. Упиваюсь ею. Злость душит боль.

– У тебя на уме только одно! Я устала! Что дома родители, что ты на учебе!..

– Я просто хотел поговорить наедине. Спокойно. А когда хлопнула дверь... Думал, будет забавно – спрятать тебя от начальника.

– Ты не подумал, что я этого не хотела?! Прятаться от начальника, – наигранно прыскаю и раздражаюсь злорадным смехом.

– Тебе ведь плевать на эту работу. – Глеб вдруг становится жестче, а от его напористости тесно и душно. – Думаешь, я не понял, что ты здесь делаешь?

Весь мой пыл испаряется. Он знает? В груди холодеет, сердце сжимается тяжелым колючим комком. Откуда он знает?!

– Специально, чтобы позлить меня! – провозглашает он. От изумления перехватывает дыхание. А Глеб все продолжает толкать абсолютно абсурдную теорию. – Обиделась на меня? За что? Что я не позвонил вчера? Что не сказал сегодня, когда начнем заниматься?

Лицо вытягивается от потрясения.

– Еще бы мне из-за этого обижаться, – опешив, возникаю я. – Мне вообще, кстати говоря, глубоко плевать на твой кон-

курс и кружок.

Из его груди вырывается нервный смешок, он устало ерошит угольные вихры. А я торопею. Глеб мне не верит!

– Это ты сейчас так говоришь, – насмешливо протягивает горе-напарник. – Но я-то понимаю, зачем ты этот цирк устроила.

– Какой цирк? – настороженно щурюсь. Внутри до предела сжимается пружинка нервов. Еще чуть-чуть, и взорвусь вместе с ней.

– Напялила этот глупый наряд, – Глеб пренебрежительно дергает за край плаща. – Пошла позориться в нем на улицу, чтобы разозлить меня.

– Чего?! – пишу от негодования. – Не много ли на себя берешь?!

Лицо горит. Кулаки сжаты так, что ногти впиваются в ладони. Ноздри дрожат от тяжелого дыхания. Как он может так говорить? Обо мне. О costume, который я шила!

– Ну а как еще объяснить, что вчера ты узнала, в каком районе я живу...

– Я сейчас ослепну от твоего сияющего самомнения! И я ничего не знала! Ты просто пристал ко мне в метро!

– ...а сегодня, когда я не выполнил уговор, ты уже здесь. Прыгаешь в каком-то странном costume.

– Замолчи, – говорю тихо и медленно, но в голосе угрозой звенит сталь. – Ты не знаешь меня, так что не ровняй с собой под одну гребенку. Мы с тобой совершенно разные.

Глеб недолго обдумывает мои слова, а потом произносит:

– И ты, и я – медики. Это уже делает нас очень похожими.

– Неправда, – припечатываю тоном, не терпящим возражений. – Как раз это и создает между нами огромную пропасть.

– Как точка соприкосновения может быть камнем преткновения? – отказывается понимать Глеб.

– Очень просто, – отрезаю я и встаю с пола.

Больше не шатает, в глазах почти не плывет. Голова только раскалывается, на душе кошки скребут, а ком в горле не дает дышать...

Нарочито переступаю через ноги Глеба, неподвижно сидящего на полу. Хватит с меня новенького... Он просто чокнутый, узколобый и самодовольный павлин с единственным интересом – медициной. Может, для него это и к лучшему. Из Глеба выйдет достойный доктор. Но как человек он вызывает во мне только приступы тошноты.

– Диан. – Он настойчиво ловит мою ладонь, когда гордо, чуть покачиваясь, вышагиваю к лестнице. Что-то в его тоне заставляет меня остановиться, обернуться и заглянуть во взволнованные глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.